

Александр АНДРЕЕВ

Вокруг Петербурга

Александр Радьевич Андреев
Вокруг Петербурга
Серия «Имперские славянские хроники»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=626625

Аннотация

О Петербургской земле писал в 1903 году в книге, посвященной 200-летию образования Санкт-Петербурга, российский историк Н. Федотов: «Избрано место, где должны совершиться бессмертные деяния».

Одновременно со строительством Северной Пальмиры развивалась и Петербургская губерния, в течение 200 лет украшавшаяся великолепными дворцовыми ансамблями и парками, большинство из которых, построенные «на берегу пустынных волн», стали императорскими резиденциями, а в наше время, как самостоятельное явление общеевропейской культуры, – красой и гордостью российской истории.

Это издание содержит «Петербургская земля: 300 лет изысканности и силы» С. Шумова, А. Андреева, «Дворцы-музеи Ленинградской области. Стили и мастера» Б. Брюллова. Дается подробное описание знаменитых дворцов, резиденций, городов под Петербургом, сделанное известными историками российской культуры и искусства конца XIX – первой половины XX века. Рассказано об истории и культурном наследии 20 знаменитых пригородов многолетней столицы России – Всеволожске, Приютино, Колтушах, Выборге, Гатчине, Иван-городе, Копорье, Кингисеппе – Ямбурге, Кронштадте, Ломоносове – Ораниенбауме, Старой и Новой Ладого, Павловске, Петергофе, Приозерске – Кореле – Кексгольме, Пушкине – Царском Селе, Ропше, Сестрорецке, Стрельне, Шлиссельбурге, «которые описать трудно, забыть нельзя и можно только восхищаться».

Содержание

Каменное ожерелье Петербурга	5
Петербургская земля. 300 лет изысканности и силы	7
В. Брюллов	12
Всевожск. Приютино. Колтуши	19
Всевожск	19
Приютино. Усадебно-парковый ансамбль Ленинградской области	20
Колтуши	21
Выборг	22
М. Бородин	25
Гатчина	36
Л. Рузов, Ю. Яблочкин	36
Иван-город	55
В. Громов	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Радьевич Андреев

Вокруг Петербурга: Замки. Дворцы. Резиденции

Всеволожск – Приютино. Колтуши. Выборг. Гатчина. Иван-город. Кингисепп – Ям. Копорье. Кронштадт. Ломоносов – Ораниенбаум. Старая и Новая Ладога. Павловск. Петергоф – Петродворец. Приозерск – Кексгольм. Пушкин. Ропша. Сестрорецк. Стрельна. Шлиссельбург.

Культурное, историческое и природное богатство России вызывает восхищение и гордость, находит гордость во всех сердцах независимо от политических пристрастий и конъюнктуры. Для этого надо всего лишь вырваться из суеты, оказаться в правильном месте, соприкоснуться, погрузиться в окружающую красоту и поддаться очарованию. Есть уникальные уголки, обладающие особым очарованием и несущие свои неповторимые черты Великого наследия. Познакомить, привлечь внимание к некоторым из них или дать возможность ближе узнать уже любимые места – для этого и издана наша книга.

Великолепные дворцы и парки, свидетели славных страниц отечественной истории и культуры, составляют самостоятельное явление общеевропейской культуры. На основе работ известных историков российской культуры и искусства конца XIX – первой половины XX века описаны знаменитые дворцы и резиденции региона во всем великолепии первоначального замысла с учетом утраченного. Рассказано об истории и культурном наследии городов, само название каждого из которых звучит особой нотой для любого культурного человека: Выборг, Гатчина, Кронштадт, Старая и Новая Ладога, Павловск, Петергоф, Пушкин (Царское Село) и другие.

Любуйтесь, читатель, великолепием петербургской земли!

Каменное ожерелье Петербурга

Известный исследователь начала XX века Н. Федотов писал о Санкт-Петербурге: «Избрано место, где должны совершиться бессмертные деяния». 300 лет назад на берегах полноводной Невы возник город Петра I – изумительное творение мирового градостроительного искусства. Одновременно со строительством Северной Пальмиры шли строительные работы в окрестностях Петербурга, в течение 200 лет украшавшихся великолепными дворцовыми ансамблями и парками, большинство из которых, построенные «на берегу пустынных волн», стали императорскими резиденциями, а в наше время, как самостоятельное явление европейской культуры – красотой, гордостью и славой российской истории.

Преемники Петра Великого продолжали дело развития Петербурга и его окрестностей. Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина Великая, Павел I, Александр I, Николай I, потратили много времени, денег, трудов, изящного вкуса, чтобы район Северной Пальмиры приобрел еще большую пышность и красоту. Число великолепных дворцов увеличилось, создав уникальное дворцово-парковое ожерелье Санкт-Петербурга.

Шедевры мировой архитектуры – дворцы с их великолепными парками создавали лучшие зодчие того времени – В. Растрелли, А. Ринальди, Ч. Камерон, Дж. Гваренги, В. Бренна, К. Росси, А. Штакеншнейдер. Поэтому каждый дворец представляет собой глубоко оригинальное творение архитектуры.

Дворцы окружены великолепными парками – нижний и верхний парк в Петергофе, Стрельнинский парк, Екатерининский парк в Пушкине – во французском, «правильном стиле»; Павловский и Гатчинский парки, Александровский парк Царского Села, парк Английского дворца в Петергофе – в английском «свободном».

Исследователь первой половины XX века В. Брюллов писал: «Каждая из пригородных резиденций имеет свой господствующий стиль. Это объясняется временем его создания или особо уделяемым правителями вниманием. Петровскую эпоху можно изучить в Петергофе, Ораниенбауме и, отчасти, в Стрельне, но ее не найдешь в других местах; построенных позже. Время Елизаветы видишь в Царском Селе и отчасти в Петергофе; раннее строительство Екатерины II – в Ораниенбауме, основные его моменты в Царском Селе – ее любимой резиденции. Конец XVIII века (Павел I) – в Гатчине и Павловске; XIX век естественно рассеян повсюду. Разумеется, вкус каждой эпохи оставлял некоторые наслоения на архитектурные памятники более ранней эпохи. Николай I наиболее ярко выражен в Петергофе и отчасти в Царском Селе; Александр II – там же; время Александра III особенно ярко отразилось в Гатчине и менее значительно – в Царском Селе; Николай II – в Царском Селе и Петергофе».

Культурное, историческое и природное наследие России, сконцентрированное в Петербурге и его окрестностях, вызывает восхищение во многих сердцах. Есть уникальные уголки, обладающие особым очарованием и несущие свои неповторимые черты великого наследия прошлого. Миллионы людей со всего мира посещают Петербург и его дворцово-парковое ожерелье, чтобы насладиться подлинным искусством, так элегантно сконцентрированным в одном месте.

Трехсотлетняя история Новой столицы и дух зазорного соперничества с древней Москвой, широкие европейские контакты – все вместе создало уникальные условия развития региона. Великолепные дворцы и парки, свидетели славных страниц отечественной истории и культуры, составляют самостоятельное явление общеевропейской культуры – явление, о котором Г.Р. Державин двести лет назад сказал: «Где спорят меж собой искусство и природа».

На основе исследований известных историков российской культуры и искусства конца XIX – первой половины XX века в работе московских историков Сергея Шумова и Александра Андреева описаны знаменитые дворцы и резиденции окрестностей Петербурга во

всем великолепии с учетом утраченного. Впервые в одном издании рассказано об истории и культурном наследии городов, само название каждого из которых звучит особой нотой для любого культурного человека – Выборг, Гатчина, Кронштадт, Старая и Новая Ладога, Павловск, Петергоф, Пушкин (Царское Село), Ивангород, Копорье, Кингисепп, Ораниенбаум, Кронштадт, Ропша, Стрельна, Сестрорецк, Шлиссельбург, Всевожск, Приютино, Колтуши, Приозерск.

Академик Д.С. Лихачев писал: *«Ненавязчиво и ненастойчиво входят впечатления прошлого в духовный мир человека, и человек с открытой душой входит в прошлое. Прошрое и будущее становятся своими для человека».*

Петербургская земля. 300 лет изысканности и силы

Славянские племена начали селиться на будущих петербургских землях в V–VII веках. В повести временных лет Ладожское озеро – озеро Нево – считалось лежащим в русской земле. Древними жителями края были малочисленные финно-угорские племена: ижора, чудь, карелы, воть, весь.

Основным населением края были ильменские славяне, на западе расселились кривичи, которые в конце VII века основали Ладогу, нынешнюю Старую Ладогу.

С IX века по Неве, Ладожскому озеру, Волхову проходил Великий торговый путь «Из варяг в греки», путь между балтийским – «варяжским» и черным – «русским» морями. Путь «Из варяг в греки» соединял города Древней Руси с Поморьем, Швецией, Данией, Готландом, германскими городами. На острове Котлин уже тогда были селения русских рыбаков и лоцманов.

С древних времен земли, на которых стоит Санкт-Петербург, назывались Ижорской землей, позднее Ингреей, Ингерманландией. С XI века Ижорская земля и Карелия были соединены в один округ под названием Вотской пятины, принадлежащей Великому Новгороду.

Шведы неоднократно пытались захватить Ижорские земли. В 1142 году в Финском заливе произошел морской бой между шведами и русскими. В 1164 году шведское войско пыталось взять Ладогу, но было разбито новгородским.

В 1240 году, когда русские земли были разгромлены монголо-татарами хана Батыея, большой шведский флот вошел в Неву. 15 июля 1240 года недалеко от устья Усть-Ижоры дружина Александра Невского с новгородцами разбили войско Ярла Биргера.

Зимой 1240 года крестоносцы захватили Копорье, укрепили его, взяли Лугу, Тесов, Саблю.

Александр Невский быстро отбил у рыцарей Копорье. 5 апреля 1242 года победа Александра Невского в Ледовом побоище на длительное время закрыла крестоносцам путь на Русь.

В 1293 в Карельских землях шведы построили могучую крепость – Выборг. В 1295 году у впадения реки Вуоксы в Ладожское озеро шведами была построена еще одна крепость Кексгольм. Новгородцы взяли крепость и разрушили ее. В 1300 году большой шведский флот вошел в Неву и шведы высадились в устье Охты. На мыске была выстроена большая восьмибашенная каменная крепость. Казавшаяся неприступной крепость, построенная присланным Римским Папой зодчим-итальянцем, получила название Ланцкрона. В 1301 году новгородцы в кровопролитных боях взяли Ланцкрону и разрушили ее, оставив за собой выход в Балтийское море.

В 1322 году московский князь Юрий Данилович попытался взять Выборг, но неудачно. На следующий год там, где Нева вытекает из Ладоги, русские построили крепость Орешек.

В.М. Мавродин в середине XX века в своей работе «Памятные места Ленинградской области» писал:

«В 1323 году между Юрием Даниловичем и шведским королем Магнусом Ериксоном был заключен Ореховецкий мирный договор, устанавливающий границу между Новгородом и Швецией. Новая граница шла по Сестре реке, сворачивала на Север, оставляя в руках русских Карелу, всю восточную часть Карельского перешейка и все побережье Ладожского Озера. Но в 1348 году Магнус нарушил договор и вторгся в пределы новгородских земель. Шведские «крестоносцы» вошли в Неву и захватили Орешек. По Вотской пятине разъезжали отряды рыцарей, грабя, сжигая, убивая, новгородские ратники разбивали и уничтожали эти отряды, а вскоре ладьи новгородцев Волховом вышли в Ладожское озеро и напали на швед-

ские суда, стоящие недалеко от истоков Невы. Учинив разгром шведского флота, новгородцы вслед за тем вернули Орешек. «Крестовый поход» Магнуса провалился».

В 1478 году Великий Новгород со всеми землями, включая Вотскую Пятину, присоединен великим московским князем Иваном III к Московскому государству. С этого времени Ладожское озеро и Нева служили главным путем, по которому будущая Россия вела заграничную торговлю – с Турку, Колыванью-Таллином, Швецией, Данией, Ригой, Готландом, Ганзой.

В 1492 году против Нарвы была построена русская крепость Иван-город. В Финском заливе действовала русская морская стража.

В XV веке Ижорская земля, за исключением восточной и юго-восточной части, была покрыта непроходимыми лесами и болотами. Крупными населенными пунктами были Ям-Кенгисепп, Копорье, Иван-город, Орешек-Шлиссельбург.

В Ливонскую войну 1558–1583 годов, в царствование Ивана Грозного, шведы в 1582 году захватили все русские крепости в Ижорской земле и владели ими, оставив России лишь узенькую полоску от Стрельны до Лисьего Носа и устья Невы. В 1595 по Тявзинскому договору Московское царство вернуло Карелию и Ингрию. В 1609 году во время Смуты, шведы начали интервенцию и вновь завладели Ингрией, построив в устье реки Охты свою крепость Ниеншанц. Город Орешек был переименован в Нотебург. Столбовский мир 1617 года сделал Швецию полной обладательницей всей Ингрией, лишив Россию выхода к Балтийскому морю.

В.М. Мавродин писал: «Население земель, отошедших к Швеции – русские и карелы, – стало массами переселяться в Россию, спасаясь от тяжкого гнета со стороны шведских властей, феодалов, лютеранской церкви. Карельский перешеек запустел. Почти все карелы покинули свой родной край, расселяясь по новгородским, тверским, московским землям. Шведское правительство стало переселять сюда в Ингерманландию, как стала называться захваченная Швецией древняя Ижорская земля, Вотская Пятина, финнов из центральных областей Финляндии».

В 1656 году русское войско во главе с Петром Пушкиным и Петром Потемкиным взяли Орешек. Прошло несколько кровопролитных боев, но границы не изменились.

В период Северной войны России и Швеции Петр I, твердо желая возвратить и расширить владения России у Балтийского моря, в ноябре 1702 года взял Орешек-Нотебург и переименовал его в Шлиссельбург. В мае 1703 года был взят Ниеншанц. Отряд гвардии во главе с Петром на 30 лодках в абсордажном бою захватил два корабля шведской эскадры, стоявших в Финском заливе, в устье Невы. «Под градом ядер, гранат и пуль, сыпавшихся на царскую флотилию, взлетали русские на суда, где смерть являлась во всех видах».

В мае 1703 года на небольшом острове Енисаре-Заячьем, лежащем на большой Неве, была заложена крепость, ставшая Санкт-Петербургом, изумительной и блестящей столицей Россией. Над возведением крепости работали русские войска, карелы, олончане, новгородцы, пленные шведы. Петр повелел присылать из внутренней России рабочих и мастеровых, работавших посменно. Почти тогда же на Березовом острове был построен порт, биржа, торговые ряды, дом Петра.

Для защиты острова с моря зимой 1703 года на острове Котлин была построена крепость Кроншлот (с 1723 года Кронштадт), в 1704 – Адмиралтейская крепость. В 1703 году русские войска взяли Ям и Копорье, в 1704 году – Иван-город. В 1710 году были взяты Кексгольм-Карела, а 13 июня – Выборг. Петербург был прочно прикрыт от нападения.

В 1708 году Петербург, все более заселяемый, уже мог называться городом, и «городом европейским». В декабре 1708 года он стал главным городом Ингерманладской губернии. В 1710 году Ингерманландская губерния была переименована в Санкт-Петербургскую.

Полтавская победа 1709 года упрочила существование Петербурга, о котором Петр писал с поля сражения генерал-адмиралу Апраксину: «Камень основания невиского города нашего наконец утвердился». Россия стала «спокойным» властелином Ингрии и большей части Карелии. Царь повелел чтобы его министры и знать переселялись в Петербург. Во избежании пожаров было повелено строить каменные дома, хотя по началу строились и мазанки.

С 1712 года Санкт-Петербург столица России. В городе разместился царский двор, коллегии (с 1802 года – министерства), Сенат, Правительство, гвардия. Были построены Адмиралтейство, Партикулярная, Охтинская, Галерная верфи, Арсенал, Смоляной, Канатный, Монетный дворы, Крестовский и Охтинский пороховые заводы. Открылась морская академия, инженерная, артиллерийская, медико-хирургическая школы, пажеский корпус, Кунсткамера – первый естественно-научный музей страны, Петербургская Академия наук (с 1783 года Российская Академия наук).

Петербург быстро строился, началось возведение загородных дворцов. В начале XX века русский исследователь Н. Федотов:

«Первый загородный дворец Екатерингоф, названный так в честь Екатерины, в марте 1711 года всенародно объявленной супругой царя и ей подаренной. Он был основан в память победы, одержанной близ этого места в 1703 году над двумя шведскими судами.

Недалеко от этого места, на острове, лежащем перед входом из Большой Невы в протоке между нынешним Гутуевым островом и Екатерингофским берегом, был построен еще небольшой каменный дворец с башней, названный подзорным: из него открывался вид на море. Петр любил смотреть от туда, не идут ли к Петербургу иностранные суда.

В это же самое время был заложен еще каменный дворец в 15 верстах от Петербурга, по финскому и карельскому берегу, между деревней Лахтою и Сестрорецком царь, прельщенный положением этого места, откуда взор простирался к Петербургу и Кронштадту, основанным одновременно с градом Петра, повелел насадить там дубовую рощу, и потому дал дворцу наименование Дубки.

На другой стороне залива, на ингерманладском берегу, Петр избрал еще два места для постройки увеселительных дворцов, из которых один в 17 верстах от столицы, при реке Стрельне, подле моря, назвал Стрельной и подарил царевне Елизавете Петровне, украсил садом и фонтаном, и назвал Петергофом».

Следуя Петру, первый губернатор Санкт-Петербурга и Ингерманладской губернии А.Д. Меньшиков в восьми километрах от Петербурга заложил свое загородное имение – Ораниенбаум.

В Петербурге в 1711 году был построен Почтовый двор и начато строительство большой дороги из Петербурга в Москву с почтовыми станциями через Старую Руссу и Ржев.

В 1713 году родилась гордость России – Невский проспект. Петр I велел прорубить от Адмиралтейства к построенному Невскому монастырю прямую дорогу в лесу, получившей название Большой перспективы, позднее Невского проспекта. Тогда же на мызе Ропша Петр создал лечебницу на местных минеральных водах.

В 1716 году на реке Сестре был построен завод и город, названный Сестрорецком. По окончании в 1721 году Северной войны к России были присоединены Ингерманландия, часть Карелии с Выборгским районом, Лифляндия, города Рига, Дюнамюнде, Ревель, Перново, Дербд, империя приобрела Балтику.

Н. Федотов писал:

«Мощный духом, тая высокую мысль в пересоздание России, Петр Великий ставит ногу на берег Балтики, взоры его падают на безлюдную землю – древнее достояние русских. Избранно место, где должны свершиться великие деяния.

Враг с моря и суши окружает клочок земли, нанесенный водою; враг сильный, опасный, гордый, воинственный, избалованный победами. Флот и армия рождаются, враг будет попран, победы и слава слоняться под крыльями северного орла и сделаются неразлучными его спутниками. Природа полагает преграды – они будут опрокинуты. Пустыня исчезнет, на прахе обнаруженных предрассудков возникнет благодатное древо новой жизни; торговля, науки, искусство украсят его плодами; древо пустит глубокие корни в земле русской. Рассеется туман, солнце взойдет в полном блеске и живительными лучами понесет отсюда к отдаленным краям могущественной империи благотворный свет и теплоту благодатную».

Начиная с Петра I двести лет его последователи украшали Петербургскую землю изумительными дворцами – резиденциями с прекрасными парками – Царским Селом, Павловском, Гатчиной, совершенствовали Петергоф и Ораниенбаум – дворцы, «которые описать трудно, забыть нельзя и можно только восхищаться».

Враги России еще не раз угрожали Петербургу. Летом 1788 года в Выборгской бухте русские эскадры разбили шведский флот. В 1812 году французские войска Наполеона под командованием его маршалов Удино и Макдональда 30 июля были разбиты у Клястиц русскими и отброшены к Полоцку. Поход на Петербург был сорван.

В 1854 году, во Крымской войны, англо-французский флот появился у Кронштадта. На этом его движение к Петербургу было закончено.

К этому времени Петербургская губерния была разделена на 8 уездов: Петербургский, Шлиссельбургский, Царскосельский, Петергофский, Ямбургский, Гдовский, Лужский, Новолодожский.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов многие дворцы под Петербургом были разрушены фашистами почти до основания. Титаническим трудом многих тысяч реставраторов, музейных работников, ленинградцев, каменное ожерелье Петербурга было восстановлено.

Санкт-Петербург (в 1914–1924 годах Петроград, в 1924–1991 годах Ленинград) многолетняя столица России, город герой, расположен на 40 островах дельты Невы и западной части Приневской низменности. Самые крупные острова – Васильевский, Голодай, Каменный, Крестовский, Елагин, Аптекарский, острова Петербургской стороны. В черте Петербурга 45 рек, рукавов, проток, 40 искусственных каналов, 100 озер, прудов, искусственных бассейнов. Крупные реки – Большая и Малая Нева, Большая, Средняя и Малая Невка, Фонтанка, Мойка, Карповка, Пряжка, Охта, каналы – Грибоедова, Крюков, Обводной. Прибрежная часть города подвержена наводнениям. Самое крупное – 7 ноября 1824 года (подъем воды на 4 метра выше ординаров), 23 сентября 1924 года (3,5 метра).

В начале лета – «Белые ночи» – с 10 июня по 2 июля. В городе множество архитектурных памятников, построенных великими русскими и иностранными зодчими, более ста музеев, включая знаменитый Эрмитаж.

Каменное ожерелье Санкт-Петербурга имеет обилие рек и озер, что способствует развитию системы каналов – Ладожское, Онежское озера, Нева, Волхов, Свирь, Луга, Сясь, Вуокса, Оредеж. Морские порты – Санкт-Петербург и Выборг, речные порты – Санкт-Петербург, Шлиссельбург, Свирица, Вознесенье, Подпорожье, Ладейной поле.

В окрестностях Санкт-Петербурга сохранилось множество музеев в Волхове, Выборге, Гатчине, Кенгиссепе, Приозерске, Тихвине, Приютино, Музей-усадьба «Пенаты», музей в Кронштадте, краеведческие музеи во многих городах.

В Петербургских окрестностях сохранилось много памятников старины – оборонительные сооружения, храмы XVII–XVIII веков, усадьбы, почтовые станции, старинные деревянные дома.

В окрестностях Петербурга множество усадебных комплексов: Усадьба А.Г. Демидова XVIII века «Тайцы», усадьба П.Г. Демидова XVIII века «Сиворицы», усадьба «Рождествено», созданная архитектором И.Е. Старовым из Мызы, в начале XVIII века, принадлежавшей сыну Петра I царевичу Алексею, усадьбы «Суйда» Ганнибалов, усадьба XVIII века «Дылицы», «Котлы», усадьба «Кобринская» (матери А.С. Пушкина), усадьбы XIX века «Рябово», «Сальцы», «Ронка», многие другие имения в которых работали деятели культуры, науки, искусства России – А.Н. Верстовский, А.А. Алябьев, Бестужевы, В.Ф. Одоевский, А.Н. Радищев, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.А. Некрасов, Я.П. Полонский, А.Н. Майков, А.К. Толстой, А.Н. Толстой, О.А. Кипренский, В.А. Серов, В.Д. Поленов, И.И. Шишкин, И.Н. Крамской, М.П. Мусоргский, Н.А. Римский-Корсаков, М.В. Ломоносов, А.П. Болотов, И.П. Павлов, С.П. Боткин, С.О. Макаров.

В окрестностях Петербурга множество уникальных уголков, обладающих особым очарованием и несущих свои неповторимые черты – познакомьтесь с ними.

В. Брюллов Дворцы-музеи Ленинградской области. Стили и мастера

Если ещё так недавно все эти окружающие Петербург летние резиденции могли представляться только «подражательными», только отражением блеска западно-европейских дворцов, пересадкой заграничных диковин на полуазиатскую почву и прививкой утончённой культуры Запада к русскому дичку, то теперь мы уже научились ценить их как самостоятельное явление обще-европейской культуры в создании которого нельзя отделить иностранцев по происхождению от их русских собратьев. Растрелли, Ринальди, Гваренги, Камерон, Росси и другие являются такими же русскими мастерами, как Земцов, Воронихин, Стасов, как те, часто безымянные, многочисленные резчики, каменщики, плотники и кузнецы, без великой ремесленной выучки, гибкости которых и талантливому умению приспособляться не могли бы ожить и воплотиться грёзы и фантазии самих мастеров-изобретателей.

Особенности этой законченной и навсегда перевёрнутой страницы истории содействовало и то, что нигде в мире не было для этого столь исключительных и благоприятных условий. Ведь, все эти величавые каменные сказки или изящные, дорого стоящие, грандиозные игрушки, все великолепные сады, фонтаны и прочие затеи создавались «на берегу пустынных волн», на финских болотах, если и на самом деле не столь пустынных, как это представляется поэтическому воображению, то, во всяком случае, мало заселённых и не тронутых городской культурой. Здесь можно было свободно распланировать местность, здесь для простора творческой фантазии были широкие, почти неограниченные возможности. И эти возможности представляла ещё безумная расточительность сильнейшей в тогдашней Европе и неограниченной государственной власти – русского самодержавия.

Все эти резиденции, летние дворцы-дачи были не что иное, как огромные усадьбы, имения вотчинника, окруженные приписанными к ним крепостными деревнями; и лишь постепенно вокруг этих усадеб вырастали городские поселения. Этот усадебный характер вскрывается в них довольно легко. В каждой из них в центре стоит дом-дворец, с домовою церковью государя-помещика, окружённый садом-парком, с прудами-озёрами или рекой, со скотным двором или фермой, с конюшнями, банями, оранжереями и со службами. Самые городские поселения, выраставшие около этих усадеб, были как бы большим двором, населённым дворовыми – придворными и приближёнными.

Но каждая из пригородных резиденций имеет свой господствующий стиль. Это объясняется временем её создания или особо уделяемым ей правителями вниманием. Петровскую эпоху можно изучить в Петергофе, Ораниенбауме и, отчасти, Стрельне, но её не найдёшь в других местах, построенных позже. Время Елизаветы видишь в Царском Селе и отчасти в Петергофе; раннее строительство Екатерины II – в Ораниенбауме; основные его моменты в Царском Селе (её любимой резиденции); конец XVIII века (Павел I) – в Гатчине и Павловске; XIX естественно рассеян повсюду. (Разумеется, вкус каждой эпохи оставлял некоторые наслоения на памятнике более ранней эпохи.) Николай I наиболее ярко выражен в Петергофе и отчасти в Царском Селе; Александр II – там же; время Александра III особенно ярко отразилось в Гатчине и менее значительно – в Царском Селе; Николая II – в Царском Селе и Петергофе.

Таким образом, есть многослойные резиденции: особенно широк по обхвату Петергоф, затем – Царское Село и, наконец, Гатчина. Есть резиденции менее широкого обхвата, на зато представляющие с изумительной целостностью более краткий промежуток времени:

Павловск (от конца семидесятых годов XVIII века до сороковых XIX). Таким образом, эти резиденции дают полную картину развития стилей почти за 200 лет.

Стиль есть мироощущение во времени.

Самое понятие «стиля» может быть дано чисто отвлечённо (как это обыкновенно и делается), то есть может быть дано определение основных качеств известного круга памятников определённой эпохи, например: для «барокко» – живописность, слитность масс, экстравагантность, неожиданность эффектов, динамичность фигур в живописных и скульптурных композициях и т. д.; для «классицизма» – спокойствие, уравновешенность, ясное членение, общая конструктивность и немногословность в выражении мысли, выделение центра и замкнутость в живописных композициях, общая скульптурность впечатления и т. п.

Могут быть даны и присущие каждому «стилю» тематические признаки, например, для «барокко» – разорванные посередине фронтоны, широкие сильно закрученные волюты (завитки), сильно раскрепованные, словно гофрированные карнизы и пилястры, картуши (свитки) со словно разорванными и закрученными краями, парные, тройные или четверные колонны на одном цоколе (основании) и т. д.; для «рококо» – гирлянды из роз, раковины, амуры, скульптурные облака и прочее; для «классицизма» – колонны чистых античных образцов (ордеров) – дорического, ионического, коринфского и тосканского, – лавровые венки, тирсы, меандры, – вообще все элементы античной (греческой и римской) архитектуры и обихода (щиты, шлемы, тоги, панцири, вооружение, утварь и т. д.).

Но дело совсем не в этом. Как первые характеристики расплывчаты, недостаточно определены и могут быть приложимы к разным историческим стилям, так и вторые, то есть «признаки», ещё не образуют самого «стиля». Всё дело в пропорциях, в самой системе стиля и в том ощущении, с которым воспринимается тот или иной памятник и с которым он создаётся. Тут-то мы наталкиваемся на одну сложнейшую и труднейшую проблему. Иногда «барочное» здание может производить чисто «классическое» впечатление по своей строгости, в то же время классика может быть пышна, богата и являться своего рода «барокко классицизма».

Стили не отделены один от другого непроходимыми гранями. Между основными стилями есть ряд переходов и оттенков. Разные стили могут сосуществовать во времени. И всё же в каждое время господствует определённый стиль, нечто преобладающее в мировосприятии. И этот стиль – не мода, создающая то или иное увлечение, а скорее то или иное общее, почти физическое ощущение, которое является основой стиля и создаёт моду. Вещь на первый взгляд не так легко объяснимая: почему в одну эпоху предпочитают вытянутые вверх пропорции, обилие украшений, беспокойную орнаментацию барокко, рококо, а в другую, наоборот, спокойное членение, почти гладкие стены? Мастер ли создаёт стиль или сам создаётся общим движением стиля? Трудные и сложные вопросы, требующие специального исследования.

Одно только отметить и подчеркнуть: даже очень большие и принципиальные мастера, строя в своей молодости в одном стиле, в зрелые годы продолжали в ином стиле и заканчивали, подчиняясь духу времени – в третьем. Даже такой классик, как В.П. Стасов, выстроивший в Царском Селе совершенно классические оранжереи, ворота «Любезным моим сослуживцам» и отделавший в Царскосельском Большом дворце в двадцатых годах в духе чистой классики комнаты Александра I, Марии Фёдоровны (жены Павла I) и Елизаветы Алексеевны (жены Александра I), – в 1843 году, на старости лет, строит церковную лестницу в духе позднего «рококо», совершенно не похожую на его прежние произведения. Последователь раннего классицизма Чарльз Камерон создаёт по заказу постройки в ложно-китайском стиле (Китайская деревня Царского Села), которым увлекаются, как экзотикой, в XVIII веке. Эти недоконченные мастером постройки тот же Стасов заканчивает в 1818 году в класси-

ческом духе и не боится поставить восьмиугольный классический «храм» посередине всей этой «китайщины». В одном случае он подчиняется стилю рядом находящихся созданий Растрелли («рококо»), в другом – нарушает общий характер ансамбля (совместности), проводя излюбленную классику, господствующую в это время. Даже неповоротливый, упрямый Гваренги пробует себя в стилях ложно-турецком (Турецкий киоск в «Собственном садике» Царского Села) и ложно-китайском (Большой каприз, там же); но человек, всю жизнь говоривший языком классики, может говорить «по-турецки» и «по-китайски» только с сильнейшим акцентом классицизма.

«Стилизация» всегда идёт в ущерб настоящему, коренному, органическому стилю. И это особенно сказалось на мастерах, работавших с сороковых годов XIX века – А. Штакеншнейдере, Н. Бенуа, И. Монигетти др., хотя, как мы видим, даже и крупные мастера, создатели стиля, подчинялись изменяющимся вкусам времени.

Из чего же исходить, чтобы получить понятие об исторических стилях? Для ощущения стиля необходимо обладать некоторой «архитектурной грамотой». Следует помнить, что архитектуру здания должно разбирать в её основных моментах: плане, фасаде и разрезе.

Уже самый *план* может служить основанием для ощущения стиля. Как характерны, например, вытянутость планов барочных дворцов с их бесконечными амфиладами зал и комнат, с их далёкими перспективами, или «концентрированность», компактность, ясное членение плана «классических» построек.

Ещё более наглядное представление о стиле даёт *фасад* – лицо постройки, при чём и здесь следует прежде всего обращать внимание не на детали, а на общее соотношение масс, на пропорции: то, как архитектор прорезает стены здания окнами, какие берёт соотношения между этажами, как размещает все массы здания, какие берёт пропорции между корпусом здания и его крышами, – уже определяет тот или иной стиль.

Наконец, тот или иной стиль характеризуется *профилем* или *разрезом* здания (как в его целом так и в частях), а также *элементами* его убранства, *деталью* его украшений: наличники окон и дверей, нишами, статуями, вазами, балюстрадами, решётками, рамами окон, орнаментацией стен, их кладкой (рустовкой), тем или иным типом колонны с её различными капителями (верхняя часть) и основаниями (ордера колонн) и т. д.

И всё же один подбор разрозненных элементов не создаёт ещё «стиля». Подобно тому как можно говорить французские слова и не владеть французской речью, характером строения фразы, оборотов речи и произношения, так и стилем можно овладеть только при проникновении во всю целокупность, в самый дух *подлинника*. Самое главное, прежде всего, изучать *подлинники*: идти не от отвлечённого рецепта стиля к памятнику, а наоборот – от памятника к определению черт стиля.

Стиль есть, прежде всего, общее восприятие данного памятника или данной группы памятников. Стиль, это – язык эпохи и мастеров, его выражающих. Изучение же развития стиля будет поставлено на научную почву тогда, когда будет выяснена вся механика социальной обусловленности творчества, *согласованная с такой же социальной обусловленностью его восприятия*.

В эпоху строительства окрестностей Санкт-Петербурга можно заметить в развитии стилей три основных этапа или линий:

1. *Барокко* с его подразделениями: а) раннее петербургское или петровское барокко, пришедшее, в свою очередь на смену барокко украино-московскому; б) барокко середины XVIII века, «елизаветинское», или «рококо»; в) к последнему можно причислить «рококо» позднее – шестидесятые годы XVIII века, начала царствования Екатерины, – ораниенбаумский Китайский Дворец (Ринальди, Бароцци).

2. *Классицизм* с его подразделениями: а) классицизм XVIII века, или екатерининский – ранний (Фельтен) и эпохи расцвета (главные мастера – Камерон и Гваренги), и павловский

(Бренна); б) классицизм начала XIX века, «александровский», или в обычном наименовании «ампир» – стиль империи (Воронихин, Томон, Стасов, Росси и тот же Гваренги); в) классицизм поздний, николаевский, значительно менее выраженный в архитектуре окрестностей Санкт-Петербурга, более заметный в мебели, вазах, статуях, убранстве, и совсем уже пропадающий к сороковым годам XIX века.

3. Так называемые ложные или подражательные стили, особенно ярко заметные с концом «классики». Эти стили ставили задачей использование архитектурных форм другой эпохи для создания нового здания или памятника. В них самая установка цели иная, чем в первых двух направлениях. Здесь уже кроется некоторая несвобода, связанность, фальшь. Памятник должен был осуществляться не сам по себе, а производить готическое, мавританское, византийское, русское и т. д. впечатление. Всё внимание поэтому сосредотачивается на характерных подробностях, а не на переживании самого существа стиля или эпохи в целом. К этим стилям можно отнести: а) ложную готику, б) ложное «рококо», особенно начинающее господствовать с сороковых годов XIX века и дожившее почти до нашего времени, в) ложно-египетский, г) ложно-русский, д) ложно-мавританский и т. д. стили. Самое их обилие во вторую половину XIX века показывает отсутствие единого коренного, органического стиля. В свою очередь, каждый из этих «ложных стилей» (или «стилизаций») имеет свою историю, и теперь уже можно, например, проследить линию развития у нас в России ложной готики, эволюция которой имеет свои этапы: ложная готика XVIII века (время Екатерины – отец и сын Нееловы) и ложная готика конца царствования Александра I и времени Николая I (Адам Менелас, Шинкель, отчасти Штакеншнейдер, Н.Л. Бенуа и отчасти А. Брюллов).

Каждое из этих подражательных течений как бы вкрапливалось в общий стиль эпохи: ложная «китайщина» Китайского Дворца в Ораниенбауме (Ринальди, Бароцци) является ответвлением стиля «рококо» в такой же мере, как ложно-русские постройки К.А. Тона – явлением вымирающего, вырождающегося классицизма и т. д.

Общая последовательность архитектурных стилей и их мастеров может быть намечена следующим образом.

В начале XVIII века, при Петре I, на новых местах надо было строить в новом, не московском, духе. Соответственно этому вводятся преобладавшие тогда в Европе «барочные» формы, получающие различные оттенки в зависимости от работы мастеров различных национальностей (немец Шедель в Ораниенбауме, француз Леблон в Петергофе). Господствующими, пожалуй, всё же остаются французы с их духом Версаля, в особенности в последнюю пору царствования Петра (архитектор Леблон, резчик Н. Пино, живописцы Каравакк и Пильман), как, впрочем, они задавали тон и всей остальной Европе. Работают также итальянцы (Микетти, закончивший за смертью Леблona его работы, позже живописец Тарси) и русские ученики иностранцев (архитектор М. Земцов, живописец И. Вишняков и др.).

Весь этот сложный агломерат образует стиль так называемого «петровского барокко». Создания его очень разнохарактерны и, к сожалению, дошли до нас большей частью в Переделанном или подновлённом виде (Марли в Петергофе, дворец в Стрельне и др.). Из скульптуры многое исчезло без следа: все свинцовые статуи – Самсон, Нептун и другие, фонтаны «Фаворитка», «Драк» (дракон) Пино на Шахматной горе и пр. – в Петергофе.

Петровское барокко в архитектуре производит сравнительно сдержанное впечатление. Здания не перегружены украшениями. Характерно выделение небольшого центрального здания с растянутыми низкими галереями при высоких крутых крышах. Из внешних украшений особенно излюблены пилястры во всю стену. Рамы окон – с переплётами из небольших стёкол. Отдельные фрагменты скульптурного и живописного убранства не лишены некоторого «провинциализма». Мебель этой эпохи большею частью так называемого стиля «чиппендель» (английского происхождения).

Высшего своего расцвета искусство «барокко» в России достигло в творчестве Растрелли Младшего, сына скульптора гр. Варфоломея Растрелли, выпisanного Петром. Гр. В.В. Растрелли, обучавшийся в Париже, в Росси является создателем стиля «русского рококо» (Большой дворец в Царском Селе, Эрмитаж, Грот, не сохранившиеся Китайская Горка и Манбижу там же, собор в Сергиеве, перестройка леблонковского дворца в Петергофе с церковью и корпусом под гербом и др.). Его создания производят сказочное впечатление необычайным богатством, пышностью и живостью форм, игрой света и тени многочисленных колонн, полуколонн, выступов, разорванных фронтонов, многослойных карнизов, атлантов и кариатид, пухлых амуров, статуй, ваз, обилием и неистощимой фантазией позолоченной деревянной резьбы, светом огромных окон, прорезающих стены. Он иногда совсем уничтожает впечатление стены, сплошь прорезая её окнами, закрывая зеркалами и золочёной орнаментацией (Большая зала Царскосельского дворца).

Надо ещё помнить, что его создания сильно потускнели, потеряв наружную позолоту, лишившись резных ваз и статуй, стоявших на фоне блестящих металлических крыш, и изменив свою лазоревую и зелёную расцветку.

Эта безумно роскошная и неприспособленная к нашему климату игра утомила вкус уже к началу царствования Екатерины II, и следующие мастера хотя и продолжают работать в стиле «рококо», или «рокайль» (от французского названия раковины, — излюбленного в этом стиле декоративного мотива), но уже более сдержанно: дают иную, более сдержанную ритмику (например, в широко закругляющихся, выходящих линиях орнаментики полов, потолков и фриз). Таковы: Антонио Ринальди (Китайский Дворец и Кательная Горка в Ораниенбауме, 1760–1768 годов, Гатчинский дворец, 1766–1772 годов) — мастер, заканчивающий движение стиля «рококо», и Ю.М. Фельтен, провозвестник нового стиля — классицизма (ему принадлежат переделки перестройки елизаветинских дворцов: Царскосельского — флигели Разумовского и Зубова, и Петергофского — Чесменский и Белый залы). Одновременно идут поиски нового стиля. Отец и сын Нееловы, работающие в Царском Селе, привезли туда из Англии готические образцы и стиль, которые сочетают с не совсем ещё выветрившимся духом «рококо» (Эрмитажная кухня, Адмиралтейство, Баболовский дворец).

Важно отметить, что некоторые мастера работают только в окрестностях столицы, и только здесь можно увидеть и изучить их работы; таковы, кроме Нееловых, Камерон в восьмидесятых годах XVIII века и Ад. Менелас в двадцатых годах XIX века. Поэтому некоторые формы стиля обнаруживаются именно здесь; быть может, стилистические нововведения легче было применять на усадебных, не столь ответственных постройках.

В конце семидесятых годов XVIII века начинают работу два великих архитектора: шотландец Чарльз Камерон и итальянец Дж. Гваренги, и с этого же времени (в Петербурге несколько раньше — с семидесятых годов) начинается то могучее движение «классицизма», которое овладевает русской архитектурой больше чем на целое столетие.

Работы Камерона: Холодная баня, Висячий сад с «Камероновой» галереей, полуголым спуском, собственные комнаты Екатерины и Царскосельском дворце, собор в Софии около Царского Села (ныне предместье Детского); Дворец, Павильон трёх граций. «Храм дружбы», Колоннада Аполлона и другие постройки в Павловске. Работы Гваренги: Александровский дворец, лицей, где воспитывался впоследствии Пушкин (возобновлён Стасовым в 1811 году), два концертных зала — один на острове, законченный Стасовым, другой — в Собственном садике, кухня там же, церковь на Казанском кладбище, — всё это в Детском Селе; церкви Кузьмина и Пулкова, Английский дворец в Петергофе, отделка нижнего этажа во дворце в Павловске и др.

Классическим традициям следуют Винченцо Бренна (флигеля Павловского дворца, отделка верхнего его этажа и тронный зал, внутренняя отделка Гатчинского дворца), В.И. Стасов, А.Н. Воронихин, Тома де Томон и, наконец, последний из этой блестящей плеяды,

ученик и помощник Бренны, Карл Росси. К ним присоединяется ещё ряд талантливых мастеров менее самостоятельного значения, как Смарагд Шустов, Доменико Адамини, помощники Стасова – Гесте и Горностаев и др.

С двадцатых годов XIX века намечается новый поворот к ложной готике (работы Адама Менеласа: Белая башня, Арсенал, Шапель – в Царском Селе, Коттедж – в Петергофе), продолжающийся и в последующее время и идущий параллельно с отмиранием классических традиций (церковь Александры в Александрии по проекту Шинкеля, готические дома Шарлеманя, Конюшни, Вокзал Н.Л. Бенуа в Петергофе, там же ряд частных домов и построек, готическая галерея Гатчинского дворца А. Брюллова).

В эту же эпоху, то есть со времени Николая I начинается то смешение стилей, то стремление подражать самым различным образцам, которое приводит к ужасающей бессильности и упадку вкуса конца века (время Александра II и Александра III). Один и тот же мастер умеет строить в самых разнообразных стилях, подчиняясь вкусам заказчика, но почти не имеет своего собственного. Наиболее типичным и талантливым «закройщиком» на все вкусы такого рода является излюбленный архитектор Николая I – А.И. Штакеншнейдер. Он возводит постройки в самых разнообразных стилях: то классическом (Бельведер на Бибигоне), то ложно-русском (сельский Никольский домик, приказный дом и церковь царицы Александры на Бибигоне), то римско-помпеянском, то есть подражающем характеру римских домов, уяснённого тогда на раскопках в Помпее (Павильон на Царицыном острове и павильон «Озерки», заключающий одновременно элементы итальянской виллы нового времени), то полуренессансном, полу-«рококо» (Собственная дача около Петергофа). К этому же эклектизму примыкают Н.Л. Бенуа, А.И. Брюллов. Многие у них хорошо выполнены и не лишены импозантности (конюшни Бенуа, фрейлинский дом его же), держится ещё старое архитектурное ощущение целого, но постепенно это «учёное» рационалистическое творчество мельчает, становится сухим, мёртвым, гаснет фантазия, размах, оно лишается органичности и убеждённости (таков ученик А. Брюллова – И.А. Монигетти). К концу века воцаряется такая неразбериха, что появляется попытка «выдумать» совершенно новый стиль, и появляется «стиль модерн», или «декаданс» (упадок), с его причудливо изогнутыми линиями и совершенно произвольно взятыми соотношениями. В окрестностях столицы этот стиль, окончательно опошленный в фойе кинематографов и «шикарных» гостиниц, выпукло представлен в личных апартаментах последней царской четы Александровского дворца в Детском Селе (работы Мельцера) и отчасти в Нижнем дворце – в петергофской Александрии.

Наконец, стремление вспять – к истокам старо-московского самодержавия – власти, судорожно цеплявшейся за старо-русские традиции, в связи с открытиями и более детальным изучением старо-русского художественного прошлого и увлечением древне-русской иконописью и монументальной живописью, – привело к созданию любопытного ансамбля древне-русских стилизаций (Московской, Новгородской, Псковской) – Федоровского Городка и собора, работы в которых продолжались вплоть до самой революции и не были закончены.

Особую страницу в художественной истории представляет *парковое искусство* в окрестностях больших городов. Именно здесь были условия для развития этого нового в России искусства, так как в городской черте паркам негде было раскинуться, а те, которые создавались, гибли потом, разрушаемые и подавляемые стихийным ростом города (Летний сад, парки и сады вельможных дворцов Шереметева, К. Разумовского, М. Воронцова, Юсупова и др., отчасти Таврический сад и т. д.).

Три типа парка являются главнейшими в истории паркового строительства Европы: итальянский, французский и английский. Развитию у нас первого типа (парк, расположен-

ный террасами) не благоприятствует рельеф местности, большею частью низменной и ровной, хотя отдельные элементы его можно усмотреть в парках Петергофском и Павловском. Два же последних типа представлены у нас в отличных образцах, несмотря на то, что утрачены многие характерные парковые затеи (стриженные шпалеры, боскеты, беседки, павильоны, скамейки и прочее), самые деревья разрослись и закрыли перспективы или относятся к уже позднейшим посадкам второй половины XIX века.

Французский тип парка – с его прямыми аллеями или дорожками, сходящимися под углом или расходящимися по радиусу, с площадками, со статуями, фонтанами и павильонами посредине, чинный, строгий, торжественный и более «искусственный» – можно видеть в нижнем и верхнем садах Петергофского Большого Дворца, в Стрельнинском парке и в Екатерининском – в Детском Селе.

Английский – со свободно выющимися дорожками, по которым никак не пройдёшь кратчайшим путём, свободно стоящими группами деревьев и полянками, приближающимися к «естественности» и, однако, глубоко продуманными и рассчитанными на красивые перспективы видов, – в парке Английского дворца Петергофа, в Александровском парке Царского Села, в Гатчине, в петергофской Александрии и особенно – в чуде искусства этого рода – в Павловском парке.

Поразительно умение группировать деревья, создавать целый пейзаж, творить самую «архитектуру» органической природы, заставляет с особенным вниманием отнестись к этому, ныне совсем почти утраченному, искусству. Время неизбежно и органически меняет эти создания: сохнут, падают от старости и бурь старые гиганты, меняя ландшафт, вырастает новая поросль. Огромных усилий и денег стоило в недавнее время поддерживать, подсаживать, подчищать эти колоссальные площади с прудами и дорожками. Парки эти могут теперь только изменяться, погибать, уничтожаться, и вряд ли скоро могут создаваться общие экономические условия для возрождения паркового созидательства. Тем внимательнее необходимо беречь сохранившееся.

Печатается по изданию: Окрестности Ленинграда. Путеводитель. М.-Л., 1927.

Всеволожск. Приютино. Колтуши

Всеволожск

Районный центр Ленинградской области, в 24 км от Санкт-Петербурга, расположен на Карельском перешейке. Население более 30 тысяч человек.

В XVIII веке на земле будущего Всеволожска была мыза Рябово, в 1721 году подаренная Петром I своему ближайшему сподвижнику А.Д. Меншикову. В 1818 году мызой стал владеть В.А. Всеволожский, проводший большие мелиоративные работы. Он провел газовое освещение, построил сахарный завод, разбил большой сад, построил оранжерею для выращивания овощей и фруктов, поставлявшихся в Петербург, создал крепостной театр и хор.

Рябово стало излюбленным местом летнего отдыха петербургской аристократии, там бывали М.И. Глинка, А.А. Алябьев, А.Н. Верстовский.

В городе сохранился усадебный дом, построенный в XIX веке по проекту архитектора П.Д. Шредера, а также парк.

В 1892 году у Рябова прошла железная дорога от Петербурга до Ладога; в 1895 году построена железнодорожная станция Всеволожская, давшая толчок развитию поселка, ставшего в 1963 году городом Всеволожском.

В городе сохранились церкви XIX века – Спаса Нерукотворного, Свято-Троицкая, работает историко-краеведческий музей.

Всеволожск – дачная местность, благодаря мягкому микроклимату.

На горе, откуда расстилались бесконечные дали и виднелись постройки Петербурга, находился усадебный дом, состоявший из 160 комнат. К зданию дома Всеволожского примыкали огромные оранжереи, в которых зимой вызревали персики, виноград и ананасы. На косогоре был фруктовый сад. В имении В.А. Всеволожского, богатейшего вельможи, летом часто собирался почти весь аристократический Петербург: сотни гостей со слугами.

Постепенно местность вокруг Рябова и находящегося рядом знаменитого имения Приютино становилась все более оживленной, от Рябова проходила наиболее благоустроенная проезжая дорога к столице, что было немалым удобством и привело к появлению в округе новых мыз.

Однако, хозяйственная деятельность аристократа Всеволожского, как, впрочем, и других, не подкреплялась должной деловитостью и хваткой капиталиста. Все имения в округе дробились и мельчали. На смену петербургским сановникам – аристократам, рассматривавших свои пригородные имения в качестве мест отдыха, развлечений и хозяйственных экспериментов, приходят предприниматели.

И.В. Венцель, Н.Д. Солохин. Всеволожск. Л., 1975.

Приютино. Усадебно-парковый ансамбль Ленинградской области

До наших дней сохранились:

Усадебный дом – двухэтажное кирпичное здание с красивыми окнами второго этажа. Автор усадебного дома не известен, высказывалось мнение, что это известный архитектор Н.А. Львов.

Второй господский дом, или людской флигель – каменное двухэтажное строение.

Беседка в парке – круглое сооружение с плоским куполом.

Английский парк в долине реки Лубьи частично сохранил планировочную структуру XIX века. До наших дней дошел пруд, с сетью дорожек-аллей из старых елей и дубов.

В парке сохранился мавзолей, сооруженный в память старшего сына А.Н. Оленина, погибшего в Бородинской битве.

В парке сохранились некоторые хозяйственные постройки.

Недалеко от Ленинграда близ станции Бернгардовка находилось селение Всевожского района – Приютино, принадлежавшее первому директору петербургской Публичной библиотеки и вице-президенту Академии художеств А.Н. Оленину. В летние месяцы сюда приезжали известные деятели русской культуры. Тут обсуждались литературные, художественные и театральные новинки, звучала музыка М. Глинки, читали свои стихи Пушкин и Мицкевич, Гнедич и Батюшков, баснописец Крылов.

Дочери Оленина Анне Алексеевне, гостившей в Приютине в 1828–1829 годах А.С. Пушкин посвятил 11 своих стихотворений и среди них знаменитое: «Я вас любил, любовь еще быть может...». В декабре 1974 года в Приютине открылся Художественный музей.

Памятные места Ленинградской области. Л., 1959.

Колтуши

В 10 км к югу от Вселожска, в поселке Колтуши (бывшие Борки), работает НИИ физиологии им. И.П. Павлова. В его бывшей квартире открыт музей ученого.

Небольшой поселок Колтуши, расположенный в 17 км от Петербурга, великий русский ученый И.П. Павлов назвал «столицей условных рефлексов». Здесь находится научный городок, у входа в который воздвигнут памятник его основателю. От памятника во все стороны расходятся дорожки и тропинки. Одна из них приводит к зданию так называемой старой лаборатории, с мемориальной доской с надписью: «В этом научном городке в 1923–1936 годах работал великий русский физиолог Иван Петрович Павлов».

Ивану Петровичу предложили выбрать для строительства научного городка любой пункт страны. Однако, ученый отдал предпочтение Колтушам. Он любил это тихое селение, его старую березовую рощу и небольшое озеро с низкими, поросшими травой, берегами. Павлов писал: «Как я любил эту природу, вот эти, со скучной растительностью, холмы. Что-то родное и близкое я чувствую в этой природе и ни на что в мире ее не променяю».

Один из участников Международного конгресса физиологов, состоявшегося в августе 1935 года в Колтушах, говорил: «Затрудняюсь сравнить научные учреждения в Колтушах с другими аналогичными учреждениями Европы. Двух мнений быть не может: «Колтушам принадлежит почетное место в первом ряду учреждений мира».

Выборг

Районный центр Ленинградской области, в 130 км от Санкт-Петербурга. Расположен на побережье Карельского перешейка, островах Выборгского залива Балтийского моря. Климатический курорт, центр международного туризма с множеством пансионатов, домов отдыха, санаториев. Население более 30 тысяч человек.

В XI–XII веках на выборгской земле существовало русско-карельское поселение. В 1293 году захвачено шведским правителем Торкелем Кнутсоном, построившим на Воловьем (Замковом) острове мощный замок, вокруг которого возник город, окруженный каменной крепостной стеной с высокими башнями, земляным валом и рвом с водой.

С 1493 года Выборг – город.

В 1710 году, во время русско-шведской войны 1700–1721 годов, Выборг был взят войсками генерал-адмирала Ф.М. Апраксина и остался в составе Российской империи по Ништадскому мирному договору 1721 года. Замок был восстановлен, построены новые укрепления.

В 1713–1744 годах Выборг – центр провинции, с 1744 по 1917 годы – центр Выборгской губернии. В 1811 году Выборгская губерния была присоединена к Великому княжеству Финляндскому.

В Выборгской крепости отбывали срок более 300 декабристов.

В 1870 году, после постройки железной дороги Петербург – Гельсингфорс, Выборг стал крупным торговым и промышленным центром.

С 1918 по 1940 годы Выборг, под именем Виипури, находился в составе Финляндии, вернулся в СССР после советско-финской войны.

С 1941 по 1944 годы Выборг был оккупирован фашистами, освобожден Советской Армией. С 1944 года Выборг – райцентр Ленинградской области.

Некоторые улицы города были вырублены в гранитных скалах, некоторые дома стоят прямо на скалах. Сам Выборг построен по регулярному плану, учитывавшему старые постройки, принятому в 1638 году.

В проливе на крепостном острове стоит реконструированный в 1891–1894 годах. Замок-башня епископа Олафа достигает высоты 50 метров с толщиной стен 5 метров. С XVII века сохранились крепостные и береговые бастионы из гранита, дом коменданта, построенный в 1606 году.

Сохранились круглая башня 1550 года, башня Ратуши XV века, бастион Панцерлаке 1568–1592 годов, крепость Кронверк XVIII века, 4 бастиона с рavelинами, рвами и валами, Фридрихсгамские и Абосские ворота 1740 года, Рavelинные ворота 1774 года, дома XIV–XV веков из необработанных камней, часовая башня XV века, монастырь доминиканцев XIV века, костел святого Гиацинта (бывший рыцарский дом), Спасо-Преображенский собор 1780 года. Сохранился парк «Монрепо», заложенный в XVIII веке.

Город Выборг основан в 1293 году шведским государственным маршалом Торкелем Кнутсоном, внуком ярла Биргера, дядей и опекуном короля Эрика, с целью утвердиться в стране корельцев и довершить начатое Эриком IX и ярлом Биргером завоевание Финляндии. Как важный стратегический пункт, город Выборг обратил на себя внимание русских и сделался местом ожесточенной борьбы их со шведами.

Из примечательностей города особенное внимание обращает на себя древний замок, с высокой башней.

Парк Монрепо на берегу Сайменского канала, обязан первоначальным своим устройством бывшему Выборгскому губернатору Ступишину. Императрица Мария Федоровна, жившая некоторое время в этом имении, также заботилась об украшении парка.

Своеобразная, дикая и чрезвычайно живописная природа привлекает внимание посетителей этого парка почти на каждом шагу: вы восхищаетесь здесь и высокими берегами Сайменского канала из отвесных, иногда совершенно нависших над водой гранитных скал, – и возвышенностями из гранитных глыб, на которые с трудом взбираешься по их скользкой поверхности, цепляясь за кусты и деревья, – и чрезвычайно живописным видом с некоторых пунктов парка. Куда бы вы ни взглянули – везде встречаете массы гранита самых причудливых и разнообразных форм. Между тем, на этой гранитной почве растет хороший сосновый лес.

Советы лицам, едущим в Выборг.

Запаситесь в Петербурге вином и закуской, тем более, что в Финляндии в ресторанах и гостиницах торговля в выходные дни крепкими напитками разрешена только с 6 часов вечера, все же прочие торговые заведения, кроме булочных и аптек, бывают совершенно закрыты в эти дни; при том же, финляндская водка, вероятно вследствие дурной ее очистки, очень неприятна на вкус и гораздо крепче нашей водки, которую шведы и финны называют «петербургской водкой».

Н. Федотов. Выборг и парк Монрепо. СПб., 1894.

В 1227 году князь Ярослав Всеволодович провел массовое крещение карел, о котором в летописи говорится: «Ярослав Всеволодович, послав, крести множество корел, мало же все люди».

Во внешней политике карелы выступали как подданные Новгородского государства.

В конце XIII века объектами вожделений шведов становятся Карельский перешеек, берега Невы и, как ключ к ним, Вуоксинский водяной путь (путь по Вуоксе из Ладожского озера в Финский залив имел большое торговое и стратегическое значение).

С этой целью шведы предпринимают в 1293 году третий крестовый поход. Войско, собранное по инициативе правителя Швеции маршала Торгильса Кнутсона, прибыли на кораблях и высадились на берегу залива там, где впадал в нее западный рукав Вуоксы. Оценив стратегическое положение этого поста, шведы на небольшом острове заложили замок и назвали его Выборгом. В Новгородской летописи появилась запись: «Пришедшие свея поставиша город на корельской земле». Древнейшая шведская хроника «Хроника Эрика», составленная неизвестным автором XIV века, излагает факт захвата чужой территории более обстоятельно: «... и построили они крепость в том краю, где кончается христианская земля и начинается земля языческая. Эта крепость называется Выборгом и находится на Востоке. У русских стало, таким образом, меньше подвластной земли, и беда оказалась у них у самых дверей. А затем поехали господа домой и посадили в Выборге фогта. Он, наконец, покорил карелов и всю их землю».

Основанный шведами замок стал на завоеванных землях оплотом их власти, опорным пунктом, откуда шведы неоднократно совершали набеги на русские земли».

Н.И. Золочевская. Выборг. Л., 1980.

М. Бородин

Взятие Выборга в 1710 году

За далью веков трудно рассмотреть, кто положил первый камень в основу Выборга. Определенно известно, что в 1293 году «риксмаршалк» Торкель Кнутсон воздвиг каменный замок названный Выборгом, вокруг которого впоследствии разрослись и город, и крепость. Боевую свою славу Выборгу пришлось купить ценою тяжелых испытаний. Его осаждали соседи, его стены взрывались подкопами, его дома уничтожались пожарами. Долго стоял Выборг грозным и верным стражем шведских интересов на Востоке, пока не родился русский исполин Петр Великий. Через реки и болота он приблизился к Неве и решил: «отсель грозить мы будем шведу, здесь будет город заложен». Взяв невиские крепости Нотебург и Ниеншанц, он основал свою крепость – Петропавловскую – и воздвиг свой город – Петербург. Лучи надвигавшейся петровской силы и энергии определенно отражались на Выборге, и старый его губернатор (Линдегиельм – Lindehjelms) предвидел, что трудно будет шведскому пограничному стражу устоять в предстоящей борьбе. Но и Петру не легко достался Выборг. Первая его попытка в 1706 г. взять крепость окончилась неудачей. Четыре дня наше войско бомбардировало его стены, но успеха не имело. Тяжелой артиллерии русские войска подвезти к городу не могли: дороги были испорчены дождями, лошади изморожены. Пришлось отступить...

Неудачный поход к Выборгу сопровождался «неслыханной акцией», которой мы, русские, в праве гордиться.

12 октября сержант Михаил Щепотев, вместе с бомбардиром Автономом Дубасовым и унтер-офицерами Скворцовым и Синявиным, должен был, на пяти малых лодках с командой в 48 чел. солдат и «гранодеров», захватить в Выборгской бухте купеческие суда, которые тянулись от города в море. Темнота осенней ночи и туман скрыли эти суда и наши лодки, миновав их, наткнулись на адмиральский бот «Эсперн», на котором было 103 чел. команды, 5 офицеров и 4 пушки. Горсть наших храбрецов смело бросилась на abordаж и вскоре справилась с неприятелем: часть шведов была перебита, а часть загнана под палубу. На шум и ружейные выстрелы подоспел другой неприятельский бот. Герои не растерялись: шведскими снарядами и порохом, найденными на первом боте, они успешно отстреливались и счастливо отделались от преследования. От русского отряда уцелело всего 18 чел., из них не раненых было только четверо. Пали Щепотев и Дубасов. А на палубе приведенного судна было 78 трупов, да в трюме находилось 23 вооруженных неприятеля, взятых «живыми в плен». Подвиг Щепотева и его сподвижников произвел сильное впечатление на Государя. Он велел об этом неслыханном партикулярном бое на море объявить всем офицерам Преображенского полка, сообщить Меншикову и др. Тела Щепотева и Дубасова отправлены были в Петербург, где преданы земле с большой торжественностью, как воины «вечно достойные бессмертной памяти».

Петр был не из тех, которых могла остановить неудача. Выборг нужно было взять: он являлся угрозой новой столицы, он мешал движению нашего зарождавшегося флота. И Петр взял Выборг.

Произошло это следующим образом.

Полтавская победа дала Петру право считать свое владычество на Балтийском побережье обеспеченным. Это он отметил в собственноручных письмах, набросанных под первым впечатлением «нечаемой виктории», приобретенной «неописуемой храбростью наших солдат» и «с малою войск наших кровью». – 27 июня 1709 г. «из лагеру от Полтавы». Царь писал адмиралу О.М. Апраксину: «Ныне уже совершенный камень в основание Санктпитебурху положен с помощью Божиею». Кн. Ромодановскому Царь сообщил 8 июля... «и ныне

уже без сомнения желание Вашего Величества, еже резиденции вам иметь в Петербурге, совершилось чрез сей упадок конечный неприятеля». После Полтавской победы, находясь в Киеве, Петр установил таблицу флагов и среди них вводит морской штандарт, знаменующий владычество над четырьмя морями. Но в тоже время Петр, зная исключительное самолюбие Карла, понимал, что он на мир не согласится и что к миру его придется принудить силой. Курбатов, поздравляя царя с победой, писал: «радуйся, яко есть надежда на исполнение издавна вашего желания – Варяжского моря во одержании». Но так как враг не был окончательно сломлен, то пришлось, через несколько месяцев после Полтавы, – заключить новый союз с Саксоно-Польшею. Помощь была обещана со стороны Дании и Фридриха. Последний имел в виду потревожить Швецию со стороны Норвегии и Сконии. Петр же обязался «чинить нападения в Финляндии, чтобы там себя удержать».

Итак участь Финляндии в известной мере была решена при Полтаве. Едва энергичный царь несколько оправился от трудов по борьбе с упорным Карлом на юге, как немедленно вновь обратил свой проницательный взор к северу. Уже 31-го июля 1709 г. командовавший войском в Ингерманландии Федор Матвеевич Апраксин получил в Кроншлот письмо от царя из Решетиловки, помеченное 17-м июля. «...И так», – писал Государь, – «вся неприятельская армия нам чрез помощь Божию в руки досталась, которую в свете неслыханною викториєю вам поздравляем. И притом прилагаем, что время еще сего лета довольно осталось для атаки неприятельских городов, а понеже к Выборгу не чаю, чтоб сею осенью за пустотою и прочими неудобства (о чем сам ты известен) возможно какой промысел учинить, но разве зимою, и того ради мы заблагорассудили Ревель осадить... Также, когда к вам полки придут (которые завтра отсель рушатся), извольте тщание приложить Корелу (т. е. Кексгольм) достать, ибо к оной водяной путь невозбранной, чрез которой артиллерию и провиант без лошадей можете проводить, а людей только одних землею... Piter». Поход к Кореле не состоялся, но о том, как «достать» или «промыслить» Выборг, Царь крепко думал.

Готовясь к новому Выборгскому походу, Царь приказал сосредоточивать полки на острове Котлин, где он предполагал произвести им смотр перед выступлением в Финляндию. 21 Февраля 1710 года состоялся указ гр. Ф.М. Апраксину, «чтобы он, собрався, шел под Выборг», а 12 марта граф «с корпусом пехоты и кавалерии через лед морем с Котлина острова марш свой восприял...мимо Березовых островов». Датский посланник Юст Юль в своих записках отметил, что осадный корпус простирался до 13.000 чел., имея с собою 24 пушки и 4 мортиры. Выступили войска «в самый ужасный мороз, какие бывают только в России; перешли они прямо через лед с орудиями и со всем обозом. Всякая другая европейская армия наверное погибла бы при подобном переходе. Но где предводителем является само счастье, там все удается. Впрочем русские так выносливы, что для солдата других наций невыполнимо».

Иностранец оценил этот изумительный подвиг скромного русского воинства. Переход гр. Ф.М. Апраксина по мертвой ледяной пустыне из Кронштадта в Выборг – одна из славнейших и едва известных страниц нашей военной летописи. Русские знали, что войска Любекера были распущены по зимним квартирам, а часть его отряда оставалась в Выборге. Царь указал поэтому путь через залив, желая внезапно осадить сильную крепость и миновать сопротивление во время марша.

23 Марта Апраксин донес Государю, что «за Выборг с финского берега, 21 числа в седьмом часу пополудни с кавалериею и пехотными полками пришел благополучно и посад при Выборге чрез помощь Божию и Вашего Величества счастье овладели и пост заняли». Неприятель, «не вытерпя от наших солдат жестокого наступления», отступил. «Жители финские, – сообщал Ф.М. Апраксин, – все разбежались в глубь Финляндии. Как шел, отпускал мужиков и давал письма, чтобы жили без опасения. Ничто не помогает! И жилищ, Государь, их

единого, как пришел, нигде не сожжено – сами, прокляты, где успеют, сами жгут и бегут в непроходимые пустыни».

Заняв позицию у Хиестала, Апраксин отрезал сухопутное сообщение крепости с внутреннею Финляндию и с войсками ген. – майора Любекера, который, незадолго до прихода наших сил, встревоженный слухами о новых планах русских, ушел на запад, чтобы руководить обороной края. Финны зажгли западный форштадт города (Сиканиеми); но русские потушили огонь и расположились в уцелевших домах. «Квартиры, – доносил Апраксин, – нарочитые и дров по нужде достать можно». – Царь письмом поздравил «всех трудившихся» с овладением, «по доброй акции, палисадом».

Гарнизон Выборга состоял из 6 тысяч и находился под начальством полковника Магнуса Шернстрале. Работы по укреплению города, прерванные нашествием русских в 1706 г., продолжались; в них, вместе с солдатами, принимали участие горожане и крестьяне. В крепости находилось 151 орудие. Шведы предполагали, что после Полтавы Петр продолжит свое дело в Финляндии. Первоначально после Полтавы по краю циркулировали самые противоречивые слухи. Русская газета, которую наше правительство усердно распространяло и которая доставлена была в Выборг русским драгуном, сообщала о победе. Между тем Георгий Любекер, ссылаясь на слова какого-то беглеца, донес первоначально властям в Швецию, что, напротив, Карл победил под Полтавой, и взял 20.000 пленных.

В осадном корпусе начальствование было разделено между генерал-майором Брюсом, который подготавливал атаку со стороны пролива, и генерал-майором Берхгольцем, который ведал осадой с сухопутной (Петербургской) стороны.

По прибытии к Выборгу, гр. Апраксин, вместе с французским инженером Де-Лапатриером, осмотрел местность и составил план устройства укреплений (апрошей и шанцев). Осадные работы, начатые 23 марта, затруднялись гололедицей и каменистой почвой, почему пришлось прибегнуть к мешкам, набитым шерстью, чтобы приблизить подступы к берегу пролива. 30 марта началось уже бомбардирование, причем в город было брошено 130 бомб.

2-го апреля запылал замок «Ланг-Герман». Гарнизон, видимо, скоро оправился и стал со стен крепости стрелять «зело жестоко и цельно». Перевес огня оказался на стороне шведов, в виду того, что у нас не имелось тяжелой артиллерии.

Гр. Апраксин исправно доносил Царю о ходе осады. Между Выборгом и Петербургом установился частый обмен писем, несмотря на то, что шайки «кивиков» (или кивиков) затрудняли иногда эти сношения. Чтобы унять дерзких разбойников был отправлен наш гренадерский отряд на лыжах. Набег удался. 17 кивиков попались в плен и в их числе «воровской поручик». Четверых гр. Апраксин приказал «по дорогам развешать», а остальных отправить в вечные каторжные работы.

12 апреля из крепости произведена вылазка, от которой, как сказано в книге Марсовой, шведы «авантажу не получили, но только сами с потерей нескольких людей в город едва ушли».

«Его Величества нижайший раб адмирал Апраксин» – как он себя называл в письмах к Царю, – начал деятельно готовиться к осаде, но тут ему пришлось преодолеть длинный ряд весьма серьезных затруднений: недоставало пушек и ядер, в конских кормах имелось «великое оскудение», а главное, – как писал Апраксин, – «провианту нет и с голоду войска помрут и ежели от атаки возвратиться, то и внутри пропитания не имея, с голоду помрут, а Выборгский уезд весь опустошен и жителей в близости нет и лошади все от глада обессили и артиллерии отвести не на чем». Еще ранее (2 апреля) Апраксин уведомлял, что «жители финские все разбежались в глубь Финляндии... Где успеют, сено жгут и бегут в непроходимые пустыни... Хлеба мужики... клятвенно клянутся многие сей зимы не видали, не только что едали»... Положение осаждавших было, таким образом, самое критическое. «Провианту, Государь, у нас остается почитай за нет», – писал адмирал 7 мая. Если бы не

поспела помощь, – как значится в реляции, – наши солдаты принуждены были бы «есть мертвых лошадей» и потом со стыдом отступить.

«Того ради Царское Величество» приказал Апраксину осмотреть берега залива и отыскать удобное место для склада припасов, которые велено было отправить на судах. И действительно, в Петербурге делали все, что могли, дабы провиант был своевременно выслан. Там Царь дожидался только «распаления водного», чтобы направить флот к Выборгу.

Едва флотилия 30 апреля вышла из Кронштадта, как встретила почти с сплошными льдами. На шняве «Лизета» Царь ходил на разведки и едва не был затерт льдинами. «Истинно всем бы сердцем рады» оказать возможно скорую помощь, – писал Петр гр. Апраксину – да «натуральный случай не допускает».

Всех больших и малых судов, на которых перевозился провиант, орудия и боевые припасы для Выборга, насчитывалось до 270. Командовал ими Боцис. В состав экипажа вошел и Царь, хотя Его просили, «чтобы в толь опасный путь своею персоною идти не изволил»; однако Петр пошел. Флоту пришлось лавировать «среди множества льда». Льдины были настолько толсты, что некоторые суда, столкнувшись с ними, дали течь и вынуждены были вернуться в Кроншлот. Между островом Биёркэ и материком лед был так плотен, что Царь не мог пробить его острым концом железного лома. На третий день плавания лед погнало от берега с большою силою. Часть судов были затерты льдами и их относило от Карельского берега. Царь приказал кораблю «Домкрат» двинуться в плавающий лёд и ломать его. Дело принимало плохой оборот, так как около 5 тыс. царской гвардии (Преображенского и Семеновского полков) и продовольствие для Выборга находилось на этих судах. Опасались, что они или будут раздавлены льдами, или отнесены к Лифляндскому берегу, где сделаются добычею шведов. Царь повелел флоту стать за мыс у Березовых островов около мелей, и таким образом суда были спасены. Царь всю ночь (с 5 на 6 мая) присутствовал на работах. Грузовые суда, по его словам, находились, «почитай, в конечном отчаянии от льду». Наконец непогода стихла и суда с небольшими потерями 8 мая достигли Транзунда. Сюда навстречу прибыл Апраксин с генералами благодарить шаутбенахта за спасение осадного корпуса; здесь же салютовали Царю из двух укреплений, которые Апраксин заложил с противоположных сторон у входа в гавань, дабы воспрепятствовать движению шведских судов. Войска под Выборгом встретили Царя с особым восторгом, зная, что от голода они были спасены благодаря его подвигам.

Этот морской поход был очень труден, но другого исхода не было. О трудности плавания говорит уже то обстоятельство, что суда от Котлина к Выборгу пробирались сквозь льды с 30 апреля по 8 мая. Край от Петербурга до Выборга был опустошен во время многочисленных прежних походов, лошадей там нельзя было достать, дороги были плохи и подвезти по ним осадный парк и продовольствие не имелось возможности. Оставался, следовательно, только этот рискованный морской путь. И Петр двинулся по нему с изумительной смелостью, зная, что во флоте не было людей, знакомых с фарватером, что большая часть судов построены были из ели и, следовательно, являлись непригодными для морского плавания, и что наконец на многих судах находились простые крестьяне и солдаты, едва умевшие грести. При указанных условиях, поход к Выборгу казался иностранцам верхом безумия. И однако смелость привела к счастливым результатам. «По воли Провидения, – пишет участник этого похода датский посланник Юст Юль, – морской поход, предпринятый Царем, увенчался двойным успехом, окончившись счастливо, как для флота, так и для армии». Личное присутствие Царя имело огромное значение; можно с уверенностью сказать, что без него исход дела был бы иной и транспортные суда не подоспели бы в нужную минуту.

Из походного журнала Петра Великого видно, что русские, подходя к Выборгу, прибегли к военной хитрости: на ластовых судах подняли флаги и вымпелы, «подобные шведским флагам, а на людей, обретавшихся на судах, надели мундир, подобный шведскому».

При следовании мимо батарей Транзунда произведена пальба, которая должна была представить перестрелку с неприятелем. Видя приближение своих, комендант, «отворя ворота, вышел на встречу». Когда же суда повернули к русскому лагерю, из крепости открылась стрельба, но вреда судам не причинила.

Русские поспешно разгрузились и с попутным ветром вернулись в Кроншлот. «Царское Величество из-под Выборга изволил с флотом ластных судов шествовать к Котлину острову». 16 мая, когда некоторые гребные суда еще не успели дойти до Котлина, шведский флот показался у Выборгского залива.

Шведский флот из 18 линейных кораблей, под начальством адмирала Ваттранга, подошел к Транзунду, но здесь адмирал убедился, что батареи его не пропустят, почему он ограничил свою роль наблюдением за русским флотом у Кроншлота.

В первое время положение обеих сторон – осажденных и осаждавших – было почти одинаково неблагоприятно. Русские терпели от холода и болезней, а слабая их артиллерия не могла разрушить городских валов. Все свелось к тому, кто ранее получит подкрепление. Русские оказались более энергичными и дело их было выиграно. Кроме провианта, Царь доставил 8 орудий для пробивки брешей, 50 больших мортир и 300 ручных со всеми принадлежностями.

По получении артиллерии и других припасов, осада пошла успешнее. Корпус Апраксина был увеличен до 18 тысяч.

Царь подробно осмотрел местность и дал собственноручную инструкцию, как программу для осадных работ. Чтобы спокойно и безопасно осмотреть Выборг, Царь два дня кряду посылал в крепость барабанщика, – переодетого офицера Преображенского полка, под предлогом доставления писем местным купцам. Перестрелка с обеих сторон прекращалась и люди ходили не укрываясь. Эта приостановка военных действий дала Петру возможность вполне исследовать местность. «В лагере при Выборге мая в 14 день 1710 года» Петр составил «Рассуждение о добывании Выборга. Во имя Господне». Одной батареей надлежало «спутлять брешь»; с двух «катель» – разорять замок и «на брешь метать»; если возможно будет кораблям подойти к бастионам, то их «брандером сжечь», но рекомендовалось также бастион «машиною инфорналис подорвать»; штурму надлежало быть с двух сторон. «Прочее, что сделать и не упомянуто, а может быть полезно сему делу, оное полагаю на разсуждение и на волю господина адмирала и генерального совета». Преподав нужные наставления, Царь вернулся в Петербург и работа продолжалась. Замечено вообще, что Царь во время Северной войны многократно вел осадные операции и всегда удачно. В Транзунде около наших батарей затоплено было несколько русских судов, чтобы воспрепятствовать проходу неприятельских кораблей. На мысе Терваниеми насыпали траншею в 300 сажен длиною. Для штурма незаметно подготовили фашины и два плавучих моста. Трудились «без ленисти», – как докладывал Апраксин.

23 Мая велись переговоры между комендантом Выборга и графом Апраксиным, причем шведскому плац-майору как бы случайно дана была, возможность увидеть вновь прибывшую нашу артиллерию. Пожимая плечами, плац-майор сказал: «не уповательно, чтоб до крайнего разорения жители Выборга оную крепость допустили, но на добрый акорд сдадут».

28 Мая Апраксин предложил коменданту сдаться, «на окорд какого желает». Комендант «ответствовал честно»; что без принуждения крепость сдать не может.

Царь, по просьбе Апраксина, разрешил «начать брешь стрелять». 1-го июня Апраксин, согласно полученному «указу», попросив у Бога милости, «неприятельскую крепость с обеих сторон бомбардировать и из пушек стрелять» начал. Батареи в короткое время произвели обвалы в каменных оградах старого замка и города, следовательно, бомбардирование велось весьма успешно. 5-го июня Государю было донесено, что пробита большая брешь, и что подкрепления неприятелю вблизи не имеется. На следующий день был генеральный

консилиум, на котором постановили «оную крепость достать штурмом». Однако, Царь ответил: «штурмом обождать». Вообще же относительно штурма Петром преподаны были в инструкции следующие правила: «Перед оным же штурмом, Господа молить подобает всем о помощи. Понеже все дела человеческие от сердца происходят, того ради солдатские сердца Давыдом реченным веселием увеселить». Самый же приступ, по воле Государя, должно было произвести днем, «никак не ночью, в чем уже давно отведено, что ночные штурмы не удаются ради многих причин».

Предписание (от 9 числа) «штурмом обождать» явилось очень кстати, так как уже 10 июня из крепости от храброго его защитника Магнуса Шернстрале прибыл подполковник, с просьбой выпустить гарнизон «на капитуляцию», с условием, чтобы шведы могли выйти из крепости с оружием, музыкой и знаменами. Гарнизон Выборга состоял по большей части из плохо обученных дублированных людей (*dubblers*). Вместе с солдатами на валах сражались горожане, также разделенные на роты; и даже гимназисты и школьники взялись за оружие. Полковник М. Шернстрале не падал духом и возлагал большие надежды, — особенно в первый период осады, — на те губительные условия, среди которых приходилось жить русским; часть их ютилась в норах, сделанных из снега и льда; голод и болезни вывели большое количество их из строя. В городе, напротив, вначале имелись хорошие запасы и население, кроме того, рассчитывало на помощь Любекера и шведского флота. Город не знал, что Транзунд вскоре был закрыт русскими батареями. Русские засыпали город ядрами, от которых вздрагивала земля. Во время урагана стрельбы огонь орудий подобно молнии пронзивал мглу, образовавшуюся от столбов дыма.

От дезертиров Любекер узнал, что запасы в крепости истощились и гарнизон питался овсом и ячменем, но признавал себя настолько слабым, что не решился выступить от р. Кюмени на выручку Выборга.

Огонь крепости оказывался теперь почти не действительным, а между тем стены её были повреждены, дома разрушены; гарнизон слабел, под влиянием лишений и болезней. Получив известие о сдаче, Царь поспешил в Выборг, куда прибыл 11 июня, и предложил, через капитана гвардии Семена Нарышкина, следующие аккордные пункты: 1) осажденные будут выпущены с ружьями, но без военной музыки, знамен и барабанов; 2) купцы, ремесленники, духовные и др. будут содержаны при их вере; 3) поселяне отпустятся по их землям... Занесенному над Выборгом удару не суждено было обрушиться и «оружие войск Царского Величества удержано», так как комендант принял условия. После двенадцатинедельной защиты капитулировал последний шведский комендант Выборга.

13 июня наведены были два моста, ранее приготовленные для штурма. К устройству их, судя по письму Царя, привлечены были также преступники. «Астраханцев и каторжных невольников ста два надобно для навождения мосту или для иных дел; и с сей стороны, из них же которым обещать невольникам ослабу, а астраханцам жалованье».

14 июня 1710 года Петр во главе Преображенцев вошел в крепость. Царя предупредили о возможной опасности быть взорванным минами, заложенными неприятелем. Его Величество изволил благодарить за заботу о его здравии, но, «уповая на Бога», решения своего не переменил. Письмо свое от 14 июня Петр пометил: «В Выборг, а не у Выборга». «Известную Вашему Величеству, — писал Царь князю Федору Юрьевичу Ромодановскому 14 июля из Выборга, — что комендант Выборгский... вчерашнего числа на аккорд сдался... а сегодня наш полк будет караулы у шведов всего города принимать»...

На другой день Петр писал Императрице: «Матка, здравствуй! Объявляю Вам, что вчерашнего дня город Выборх сдался и сею доброю ведомостью (что уже крепкая подушка Санкт-Петербурху устроена чрез помощь Божью), вам поздравляю». Адмиралтейств советника А.В. Кикина Государь уведомил, что Выборгский комендант, по «изготовлении бреша, не дожидая шторма» на аккорд сдался. «И тако чрез взятие сего города Санкт-Петербурху

конечное безопасие получено»... В таких же выражениях радостная весть была сообщена вице-адмиралу Крюйсу (14 июня) с прибавлением: ...«чем вас и всех во флоте обретающих поздравляю». Этими несколькими сообщениями очерчено значение нового приобретения, каким оно являлось в глазах Царя. Важные происшествия, радовавшие неутомимого Государя, обыкновенно побуждали его уведомлять многих отличаемых им деятелей. Так и случилось и со взятием Выборга. И.И. Голиков утверждает, что Петр отправил до 50 писем с извещением о сдаче крепости и о том, что «городу Санкт-Петербургу конечно безопасие получено».

15 июня совершился торжественный вход гр. Апраксина, при чем он был встречен обоими комендантами, бургомистром и купечеством. Крепостные ключи были поднесены на серебряном блюде. Со всей крепости произведена была троекратная пушечная пальба. Царь находился теперь в строю Преображенского полка и «отдал честь ружьем» гр. Апраксину. На флагштоке «Ланг-Герман» подняли царский штандарт, со всех ворот сняли шведские гербы и заменили их русскими. К городу приблизился наш галерный флот и троекратно салютовал, поздравляя Царя с победой. В походной церкви отслужили благодарственное молебствие. В крепости оказалось 135 офицеров, 3702 нижних чина и 906 городских обывателей, 65 знамен и флагов, 151 орудие, много ружей, пороха, 14 судов и пр.

16 июня Царь торжественно вошел в крепость, где отслужен был молебен. Для въезда спешно убирались трупы и расчищались улицы, «ибо во всей крепости не было ни на единого целого места», всюду виднелись развалины и выбоины от бомб.

«В городе и лагере победа торжествовалась только пальбою из всех орудий, при чем войска стреляли также из ручного оружия», – пишет очевидец Юст Юль. Адмирал Апраксин задал пир. Попойка у Ф.М. Апраксина вышла на славу. 16 июня в город прибыл генерал-фельдмаршал князь Меншиков и был встречен пушечной пальбой.

Первым русским комендантом крепости назначили бригадира Григория Чернышева. Апраксину пожаловали орден св. Андрея Первозванного, князь Голицын награжден деревнями. Генерал-майоры Р. Брюс и Берхольц получили царские портреты, украшенные драгоценными камнями. Любекер писал: «Неприятель с особой похвалой отзывался о храбрости осажденных и признал стрельбу столь сильной, что нигде не находил от неё надежной защиты».

Одна из причин больших потерь русских заключалась в том, – по рассказу современника – что они не могли в виду светлых северных ночей пользоваться для своих подступов темнотою.

20 июня к Выборгской бухте приблизился небольшой неприятельский флот: увидев, что крепость уже взята, он ушел в море.

Когда затем 23 июня Царь вернулся в Петербург, то за ним несли шведские знамена, взятые в Выборге. В память взятия города была выбита медаль, на задней стороне которой виден план осады с надписью: «*occipat audentem*»; переднюю сторону – украшал портрет Царя. Память завоевания Выборга Петр увековечил заложением Троицкого собора в Петербурге.

Предусмотрительный Петр своевременно старался обсудить также возможность сдачи крепости; но при решении этого вопроса он несколько колебался. 1-го июня «Piter» сообщил гр. Апраксину: «Ежели Господь Бог даст свою помощь, что придет до капитуляции, то лучше не давать оным капитулянт, но воинскими полоненниками учинить оным. Буде-же в том увидите, что трата будет людем, то и на полную капитуляцию позвольте». По условию сдачи крепости, коменданту и гарнизону надлежало предоставить свободный выход из города. Но Петр приказал Апраксину и Чернышеву передать коменданту Шернстреле, по своем отъезде, что Его Величество удерживает гарнизон, в качестве военно-пленных, в виду «многие со стороны шведов неправды, учиненные против обычая всех христиан вою-

ющих». В «Ведомостях» 1710 года № 14 – в реляции о взятии Выборга – об этом значится так: «И хотя выборгской гарнизон по той капитуляции обещано выпустить, однако за многие с неприятельской стороны не правды, чиненные против его Царского величества, а особливо за последующие (которые к нему коменданту за рукою господина адмирала графа Апраксина посланы с объявлением, да бы оные послал с нарочным офицером к стекгольскому сенату) задержан». Следует перечень неправд. Прежде всего, шведы удержали, как приз, шняву «Фалк», шедшую под белым парламентарским флагом в Стокгольм с письмами от шведских пленнх. Со шнявы сорвали русский вымпел. Затем резидента нашего князя Хилкова держат с начала войны в заключении, не взирая на то, что с нашей стороны резидент Швеции был отпущен. Русских генералов вероломно схватили под Нарвою и увели в Стокгольм. Русских купцов в мирное время, вопреки трактатам, задерживали с товарами. По исправлении всех «неправд» и по «оказании сатисфакции» на виновном в сорвании вымпела, всему гарнизону обещалось освобождение. Раненые же и больные, вдовы и дети были немедленно отпущены.

В одном рукописном шведском сочинении говорится, что русские согласны были выпустить гарнизон, но при условии, что он не может выйти ни через брешь крепостной стены, ни по пантонам, наведенным русскими; вследствие этого шведские солдаты вынуждены были исправить мост через пролив разрушенный во время осады. Когда мост был готов, генерал-адмирал Апраксин дал знать, что гарнизон будет на судах отправлен на остров Биеркэ, где его примет шведский флот. Шведским солдатам для этого пришлось извлечь из воды Транзунда затопленные русские суда. Едва это было исполнено, как предъявлен был счет шведским офицерам и шведской казне и предложено было уплатить долги, сделанные горожанам Выборга шведскими офицерами и шведской казной. Только после всего этого было заявлено, что, в виде репрессалии за захваченная русские суда, необходимо задерживать коменданта, офицеров и гарнизон; они были арестованы и отправлены в Петербург. Насколько правдоподобен этот рассказ Эренмальма установить не удалось.

«Я осматривал Выборг, – пишет Юст Юль (30 июня 1710 г.), – разорение, которому он подвергся от пожаров, ядер и бомб не поддаётся описанию; большая часть его домов особенно по набережной, разрушена до основания; прочие же так повреждены, что стали почти необитаемы». Собор лежал в развалинах, ратуша сильно повреждена, огонь обуглил деревянные строения. По подсчету, сделанному впоследствии магистратом города, Выборг потерял при осаде в качестве груза 26 кораблей, до 24.000 бочек смолы, много балок и досок, кроме того лесопильни, скот и всякой движимости на 60.000 рублей. Исторический замок Выборга был разрушен.

По взятии Выборга, «горожане присягнули Царю на верность и остались при своих домах и имуществах». Нехорошо отнеслись только, по словам Юста Юля, войска к попадавшим на улицах женщинам, которых взяли с собою в Россию. По заявлению того же современника пленнх солдат из Выборга отправили для работы на остров Ритусари (Котлин), а офицеров отвезли в Новгород. «По пути (4 июля) я встретил 2000 крестьян, шедших из Петербурга в Выборг на крепостные работы. Они должны были восстановить Выборгские стены», прибавляет Юст Юль.

В местных кирках были объявлены разрешения всем вернуться к своим местам, повеление присягнуть русскому монарху и предупреждение партизанам «кивикесам», бродившим по краю и диким поведением причинявшим многочисленные неприятности как своим, так и русским. Из требования присяги делали тот вывод, что русская власть решила оставить этот край за собой. Народ повиновался призыву и, за малым исключением, присягнул Царю, но партизанов не выдавал. Население было так утомлено войной, что ему было все равно, состоять ли в том или другом подданстве. Даже часть Выборгского гарнизона, преимущественно из Выборгского, Карельского и Саволакского полков, около 500 человек, перешли в русскую военную службу.

Позже, в октябре, у Петра родилась новая мысль. В «Ведомости» 1710 года № 18 читаем: Прислано из Вильны. «Его Царское Величество нарочитым торговым людям в Выборге «и Абое» (Або) указ дал своим именем в «Санкт питер бург» переходить, тамо им лес и много материалов дается, дворы и амбары строить, также и повольность в некоторых городах».

Отсылка людей из завоеванных городов вообще практиковалась тогда. Известно, например, что из Нарвы (марта 1704 года) жители отправлены были в Россию.

Поспешность Царя по приведению к присяге и исправлению Выборга показывает, какое значение он придавал ему, как крепости. Выборг был единственною большою крепостью Финляндии. В течение четырехсот лет он являлся передовою стеной края на восток. — По выражению же какого-то местного старого поэта, Выборг являлся могилою московитов, «*Moscorum busta Wiborgum*». Горе шведов при потере передового их оплота было тем более велико, что у них не сохранилось надежды на его возвращение. Выборг был важнейшим стратегическим пунктом шведов во всей Финляндии, отсюда и морем и сухим путем они грозили Петербургу; здесь находилась их единственная удобная морская станция. Выборг служил опорой и магазином для шведского флота и воротами в шхеры. Казалось бы, что шведское правительство обязано было напрячь все свои силы, чтобы отстоять его; но оно этого не сделало. С покорением Выборга для русских открывалась дорога к дальнейшему завоеванию Финляндии, а плавание нашего флота в восточной части Финского залива становится более безопасным. Выборг сделался первым этапом русских в Финляндии. Вот почему Царь решил, что Выборг «гораздо крепить надлежит».

Датский писатель Юль находил, что по всем человеческим соображениям экспедиция Царя должна была кончиться катастрофой, а в действительности все завершилось падением Выборга и «опрометчивость обратилась в славу». Несомненно, что удача помогла Царю в том, что шведская эскадра запоздала и потому не могла захватить русской флотилии: но при случайностях и ошибках нельзя тем не менее отрицать того, что Петр обладал замечательным талантом полководца и изумляющей настойчивостью в достижении необходимого и намеченного. Недюжинные качества Петра, как военачальника, сказались в том что он начал поход в то время, когда неприятель не был подготовлен к обороне и потому флот его не мог явиться на выручку крепости. Все его дальнейшие распоряжения при осаде Выборга целесообразны и объединены одною мыслью. Петр еще раз в полном блеске проявил, кроме отваги и настойчивости в преследовании цели, свои морские способности. Он умело составил весь план и хорошо организовал тыл армии, и эти два обстоятельства явились не малыми факторами обеспечившими победу. Тот же «честный датчанин» Юст Юль в другом месте, своего дневника говорит: «лицам, заведующим осадой Выборга, успех достался легко, потому что Царь перед отъездом каждому преподал нужные наставления... так как Его Величество весьма прозорлив, отлично знаком со всяким делом и имеет верный взгляд на все... Остается только удивляться с одной стороны уму этого человека, правящего всем единолично, с другой — природным его силам, благодаря которым он без утомления выносит все труды и заботы, выпадающее на его долю». У Юста Юля встречается особое указание на то, что Царь одарен был большими способностями.

В русском лагере у стен Выборга видимым руководителем был гр. Ф.М. Апраксин, но истинным вдохновителем всего дела являлся, конечно, гениальный Царь. Его дух оживотворял здесь все. Он задумал осаду, он ее и выполнил. Из московского письма к послу при датском дворе князю Долгорукову, от 4 апреля 1710 года, видно, что блокада Выборга была решена Царем на зиму 1710 года, «а формальная атака, Богу изволившу, начнется в последних днях апреля». Апраксин исправно из-под Выборга доносил о каждом своем намерении и о насущнейших нуждах осаждавших. На все столь же исправно следовал ответ Царя и точные указания «что и когда» надлежало делать. Войска нуждались в провианте и ору-

диях. Уже 24 марта 1710 года Петр сообщал Ф.М. Апраксину, что «пушки и провиант по письму вашему немедленно отпустим, первое сполна, а другое – сколько возможно... Что же ваша милость пишете, что хотите ломать Ланг-Герман, а мне мнится, ежели возможно, зело удобнее сделать брешь в стене замка того, в чем оный Герман стоит, и оной с помощью Божиею штурмовать. Сие пишу советом, а не указом, понеже вы ближе к тому месту, можете лучше осмотреть и делать, что удобнее...». Когда провиант нагрузили на галеры, Царь вызвался сопровождать транспорта. Со шляпы «Лизет» от урочища Комуры 1-го мая 1710 г. Петр уведомил графа Апраксина, что до этого урочища с провиантом пришли, но далее твердый лед до самого мыса; у урочища, имелось в виду стоять до очищения залива ото льда, почему предлагалось Апраксину взять часть провианта, если возможно, с ближайших к берегу судов. Этой возможности не представилось, и суда двинулись к Выборгу. Телом Царь отсутствовал, но всеми своими помыслами он пребывал у Выборга, содействовал своей армии и оберегал ее от всяких случайностей. 21-го мая Государь предупреждал Апраксина быть особенно бдительным, дабы шведы, «яко народ лукавый», не подкрепили Любекера. Тут же следовал совет «тоб не худо Любекера со всею конницею и счастьем пехоты посетить, и то кладу на ваше рассуждение». Озабоченный тою же неотвязчивой мыслью Царь на другой день, узнав о возвращении наших пленных из Стокгольма, вновь пишет адмиралу Апраксину: «извольте хорошенько выпросить (у оных невольников), не привезли ль шведы из Стокгольма морем людей в прибавку Любекеру». «Также извольте каких-нибудь финских мужиков сыскать: ежели близко Выборга не сыщутся, то хотя из Карелы взять человек двух или трех с женами, и удовольствовав их деньгами, отпустить к Любекеру шпионами, а жен оставить у себя за караулом для того, чтобы они не солгали». Каждый полезный шаг Царь желал предусмотреть и направить. Не говорим уже о его главнейших распоряжениях, в которых все было ясно договорено. Достаточно одного примера. «С Божией помощью брешь начинайте и с обеих сторон крепко бомбардируйте без перемолку. А когда брешь будет готов, тогда и штурмуйте: а с Берхгольцовой стороны лучше штурмовать прежде». При важнейшем акте осады – при штурме – Петр желал лично присутствовать и рвался из Петербурга, где его задерживало лечение. «Если к штурму не преступлено, – писал он 8 июня графу Апраксину, – то обождать несколько дней, к которому времени могу поспеть; понеже сегодня последнее лекарство приму, а завтра буду свободен». Итак, нет сомнения, что Выборг взят был Петром. Его талант организовал все то, достойными исполнителями чего явились Апраксин, Берхгольц, Голицын, Боцис и другие.

После взятия Выборга южная часть Сайменской водной системы досталась русским, вместе с Вильманстрандом; только Кексгольм оказал сопротивление в течение двух месяцев. В своем отзыве (в 1681 году) Эрик Дальберг представил целый ряд замечаний о малой годности укреплений Кексгольма. Замок был тесен и не вмещал большого гарнизона и магазина; стены крепости оказывались непрочными и плохими, почти без флангов и брустверов. В таком же положении находились укрепления города. Они были весьма высокие, со слабыми брустверами и небольшими флангами; ко всему этому некоторые ближайшие возвышенности господствовали над ними. Эрик Дальберг однако находил, что не трудно было обратить Кексгольм в «отличную крепость». Но таковой Кексгольм никогда не сделался. Попечением коменданта, подполковника Фокса, крепость была только несколько обезопасена против нападения неприятеля. 30 июня генерал-майор Р. Брюс был отправлен к Кареле (Кексгольму, основанному в 1279 году). Ему надлежало ограничиться одним обложением крепости и «утеснением» ее бомбардированием, а «не формально атаковать». Такое распоряжение было сделано деятельным Царем после военного консилиума (20 июня в Выборге), в виду незначительности Кексгольмского гарнизона (400 человек), и отрезанности Кексгольма, после падения Выборга. Комендант полковник Шерншанц отказался сдать крепость и тем вызвал бомбардировку, продолжавшуюся четырнадцать дней. Русские без труда взяли

редут на острове реки Вуоксы, против крепости. Вскоре из Шлиссельбурга водою была доставлена осадная артиллерия. Комендант решил сдаться (8 сент. 1710 года). В начале сентября комендант соглашался подписать условную сдачу, но Брюс ее отклонил и выставил свои требования. Аккордные пункты посылались в Петербург и Царь указал Брюсу, «дабы крепость ему принять». Гарнизон выпустили «со всею их ливреею», либереею и ружьями, но без знамен и музыки. В октябре 1710 года в Кексгольм приезжал Государь для осмотра сей карельской крепости и пробыл в ней около недели. В виду краткосрочности этого путешествия и недостатка в лошадях, он не взял с собою ни одного из «министров».

Когда Кексгольм оказался в обладании Петра, Царь вспомнил, что эта крепость являлась когда-то достоянием его предков. «И так, – писал Царь, – сия праотечественная крепость взята без великого урону людей». В этом отношении он проявил замечательную последовательность и бдительность. Возвращаясь, например, из поездки в Шлиссельбург, Царь заговорил с резидентом Вебером о своих завоеваниях и уверял, что его державные предки некогда владели всем ныне отвоеванным, что «может быть доказано имеющимися на лицо в Московском Архиве подлинными грамотами».

Покорением Кексгольма закончил свою полезную службу родине Роман Вилимович Брюс – старший брат Якова Брюса. Роман Брюс участвовал при взятии Ниеншанца и Выборга, но наибольшую известность он стяжал себе трудами по созданию Петербурга. Он свидетель основания этой столицы, он был первым её обер-комендантом, отстаивал ее от целого ряда шведских натисков; в отсутствии Меншикова он обстраивал город и под его надзором Петропавловская крепость, вместо земляных валов, получила каменные стены.

«Летняя кампания закончена блистательно, – отметил в своих записках датский посланник (15 окт. 1710 года); о большем успехе нельзя было мечтать. В самом деле, в одно лето Царь взял восемь сильнейших крепостей, именно: Эльбинген, Ригу, Динамонд, Пернов, Аренсбург, Ревель, Выборг и Кексгольм и стал господином всей Лифляндии, Карелии и Кексгольмского округа. Ему больше ничего не оставалось завоевывать. Успех был тем блистательнее, что порошу было расстреляно при взятии названных крепостей столько, сколько в ознаменовании радости по случаю всех этих побед, при чашах в их честь».

Вникните в наш скромный рассказ о подвигах предков. Сколько проявлено выносливости, сколько показано мужества! Взятием Выборга настужеж раскрывался вход в Финляндию и укреплялось положение России на Финском залив.

Сто лет Выборг и Кексгольм оставались в русских руках. О возвращении их финляндцы просили императрицу Екатерину II, но она усмотрела, что это не согласуется с пользою России. Прошло еще двадцать лет. Обстоятельства изменились и вся Выборгская губерния – завоевание Петра Великого – в административных видах, присоединена к Финляндии. Но на башне Выборгского замка – этом свидетеле протекших столетий – развевается русский флаг – символ нашей государственности...

Печатается по изданию: М. Бородкин. Двухсотлетие взятия Выборга. СПб, 1910.

Гатчина

Л. Рузов, Ю. Яблочкин Гатчина

В 1923–1929 годах Троцк, в 1929–1944 годах Красногвардейск. Райцентр Ленинградской области, в 46 км от Санкт-Петербурга. Расположен на Ижорской возвышенности, на шоссе Санкт-Петербург – Псков. Население около 80 тысяч человек.

Гатчина впервые упоминается в исторических источниках под названием Хотчино, принадлежавшее Новгороду. В ходе Ливонской войны отошла к Ливонии и Швеции. Возвращена после русско-шведской войны России в 1721 году. Принадлежала сестре Петра I, царевне Наталье Алексеевне. С 1765 года Гатчинская мыза принадлежала графу Г.Г. Орлову; после его смерти Екатерина II выкупила в 1783 году Гатчину и подарила своему сыну, будущему Павлу I.

С 1794 года Гатчина – город, главная резиденция Павла I. С 1801 года Гатчиной владела вдовствующая императрица Мария Федоровна, с 1828 года – Николай I и его наследники. Гатчину любил Александр III.

Гордость Гатчины – знаменитый дворец, построенный в 1766–1781 годах архитектором Ринальди. В 1793–1797 годах дворец для Павла I перестроил архитектор В.Ф. Бренна. Дворец окружали изысканные пейзажные парки, красивые мосты через Белое озеро. В 1799 году архитектор Н.А. Львов построил уникальный Приоратский дворец на берегу Черного озера по случаю учреждения в России Великого Приорства Мальтийского ордена.

В 1910 году в Гатчине открыта первая в России авиационная школа. В октябре 1917 года Гатчина – центр восстания Керенского – Краснова против большевиков.

В 1918 году Гатчина – дворец-музей. С 1941 по 1944 года Гатчина оккупирована фашистами, практически разрушена. В советское время дворец-музей реставрирован.

Сам город Гатчина, построенный по регулярному плану, окружают многочисленные усадьбы аристократии Российской империи.

Гатчина с окрестностями – популярное место отдыха петербуржцев.

Наименование «Гатчина» возникло от соединения двух русских понятий. «Гатью» испокон веков называли дорогу, проложенную через болото или топкое место. Слова «чинная» означает «важная», «правильно сделанная», «добротная». Хорошая дорогая через топь».

А.С. Елкина. Гатчина. 1980.

Среди богатых достопримечательностей пригородов Ленинграда Гатчина занимает пока более скромное место, чем Петергоф, Пушкин, Павловск. Однако, с каждым годом популярность ее увеличивается. Тысячи людей приезжают в гатчинские парки полюбоваться стройными башнями дворца, отражающимися в прозрачных водах Серебряного и Белого озер, увидеть павильоны, мосты и другие сооружения, созданные здесь по проектам архитекторов А. Ринальди, Н. Львова, В. Бренны, А. Захарова.

Гатчинский дворцово-парковый ансамбль был создан в 1760–1790 годы. Возникновение ансамбля связано с передовыми для того времени

художественными идеалами и принципами, он и по сей день сохраняет значение выдающегося памятника отечественного искусства.

В. Вороневский. Кронштадтская крепость. Л., 1926.

Некогда на берегах Ижоры, в том месте, где теперь стоит Гатчина, и севернее, вплоть до Невы, жили племена карельского происхождения – ижора. Они возделывали землю, ловили рыбу в окрестных реках и озёрах, охотились.

В IX веке земли ижорян вошли в расширившиеся владения древнерусского государства. Вместе с соседними племенами народности вольи они составили отдельную область могущественного Новгорода – Воускую пятину. Позднее она называлась Ижорской землей.

В конце XV века Воуская пятина вместе со всеми новгородскими землями отошла к великому княжеству Московскому. К этому времени относится первое достоверное свидетельство о существовании Гатчины. В Новгородской писцовой книге 1499 года среди других великокняжеских волостей, сел и деревень Дяглинского погоста записано «село Хотчино над озерком Хотчиным». В том, что село Хотчино и Гатчина одно и то же, сомнений быть не может. Упоминаемые в писцовой книге соседние с Хотчино селения Пудость, Парица, Тайцы и другие существуют и ныне в окрестностях города.

Откуда же появилось название Хотчино? История не дает на этот вопрос ответа. Остается только предполагать.

Как видно из писцовой книги, село Хотчино и озеро, возле которого оно находилось, носили одинаковые названия.

В большинстве таких случаев селение получало свое имя по местности, а не наоборот. Так произошло, надо думать, и с Хотчино. Источник его названия следует, на наш взгляд, искать в характеристике Черного озера, на берегу которого располагалось село.

На месте протока между Черным и Белым озерами, вокруг которых раскинулся нынешний город Гатчина, когда-то была гать (естественный завал либо искусственная насыпь), где проходила дорога. Небольшое запрудное, гаченное, или, как говорили в древности, гатчино, озеро оказалось приметой, по которой первоначально определяли место нахождения возникших около него жилищ («у гатчино озерка»). Со временем примета стала собственным именем селения. Это имя сохранилось в течение долгих столетий.

Если же учесть, что для новгородского говора было характерно произносить букву «г» с придыханием, как «х», то станет вполне понятным, почему в устах новгородца, диктовавшего дьяку – составителю писцовой книги названия селений, слово «Гатчино» прозвучало как «Хотчино».

В начале XVII века шведские войска захватили Ижорскую землю, включив ее в Ингерманландское генерал-губернаторство. Село Гатчина, если верить шведской карте 1675 года, было крупным населенным пунктом обширного Дяглинского погоста. Однако непомерные поборы шведских властей и обременительные постойи чужеземных войск привели его к началу XVIII века в запустение.

13 августа 1702 года у реки Ижоры, севернее Гатчины, отряды русской пехоты и конницы под командованием Ф.М. Апраксина нанесли сокрушительный удар по шведским полкам ингерманландского генерал-губернатора Крониорта. Вражеские войска откатились к Неве. Гатчина была освобождена и вошла в состав земель Русского государства.

Петр I, основав в 1703 году новую русскую столицу – Петербург, сделал Гатчину придворным дворцовым имением. В селе выстроили загородный дом – мызу, которую в 1708 году царь подарил своей сестре Наталье. В 1727 году мыза перешла в руки придворного медика Петра I Ивана Блюментроста, а спустя семь лет ее владельцем стал князь Б. А. Куракин.

Первые владельцы не оставили в истории Гатчины сколько-нибудь заметных следов. В то время как в окрестностях мызы, на реках Ижора, Пудость, Парица валили лес, ломали камень и отправляли всё это на строительство Балтийского флота, дворцов и зданий новой

столицы, в Гатчине за полвека ничто не изменилось. Она оставалась маленьким селением, состоявшим из двух частей – так называемой «чухонской Гатчины» и «русской Загвоздки», и имела 198 жителей.

В 1765 году Екатерина II «пожаловала» Гатчину с окрестными деревнями генерал-фельдцейхмейстеру графу Г.Г. Орлову, присовокупив к ним села Кипень, Шенгурово, Ропша, Лигово. Подарок царицы был своеобразной наградой фавориту за его участие в дворцовом перевороте 1762 года, который возвел Екатерину на престол.

Орлову понравилось новое поместье, где, писал он женевискому философу Жан Жаку Руссо, «воздух здоров, вода удивительна, берега, окружающие чудные озера, образуют приятные променады». Со свойственным екатерининским вельможам стремлением к роскоши этот крупнейший в России помещик-крепостник решил создать в Гатчине свой загородный дворец с парком и охотничьими угодьями, так называемым «Зверинцем».

Началось строительство дворцово-паркового ансамбля Гатчины, ставшего ценнейшим памятником архитектуры и садово-паркового искусства XVIII века.

Первым был создан «Зверинец». Большой участок леса северо-западнее Белого озера обнесли изгородью из крестообразно поставленных жердей. Прорубили просеки и дорожки, на скрещении которых устроили просмотровые «круги» для охотников. В «Зверинец» доставили американских ланей и красных оленей. Из Литвы привезли полевых зайцев и куропаток, не водившихся в этой местности. На окраинах леса появились загоны и сараи для содержания животных.

В мае 1766 года на приозерном холме заложили дворец. Автор проекта, архитектор Антонио Ринальди, к этому времени уже закончил постройку Китайского дворца и «Катальной горки» в Ораниенбауме. В противоположность парадным ораниенбаумским сооружениям Гатчинский дворец он решил как охотничий замок, избрав для него строгие формы архитектурного стиля классицизма. Это наиболее соответствовало назначению создаваемого здания. Для его облицовки зодчий задумал применить местный строительный материал – пудостьский известняк.

Дворец строился пятнадцать лет. В его постройке участвовали переведенные из Костромской и Вологодской губерний государственные крестьяне, большое число наемных квалифицированных работников и мастеров. Пудостьская плита доставлялась из каменоломен в районе деревни Себягюля.

Одновременно с сооружением дворца создавался парк. Главным садовником числился ирландец Шпарро, но всеми работами руководили присланные в 1772 году из Петергофа садовые мастера Лев Иванов, Алексей Кряжев, Василий Ползунов и Иван Лебедев. Несколько лет ежедневно до 500 крестьян окрестных деревень трудились над созданием парка. Они расчистили дорожки, выкорчевали пни, посадили несколько тысяч деревьев тех пород, которые здесь ранее не росли (дуб, тополь, лиственница и другие), наконец привели в порядок озеро, очистив их от тины и насыпав искусственные островки.

На мысе, глубоко вдающемся в озеро, был воздвигнут по проекту архитектора А. Ринальди Чесменский обелиск – памятник славной победы русского флота в бухте Чесма 25–26 июня 1770 года. Западнее обелиска выросла декоративная беломраморная «Колонна Орла». Были прорыты осушительные каналы в парке и «Зверинце», построены оранжереи, проложена дорога из Гатчины в Царское Село.

В 1780-х годах столица заговорила о Гатчине, как о чем-то небывалом, и приезжавшие в Петербург иностранцы спешили полюбоваться ее дворцом, парком и «Зверинцем». «Этот загородный дом, – писал в Париж французский дипломат Корберон, – является великолепным дворцом, расположенным полукругом и исполненным отличного вкуса». Дворец восхищал своим живописным местоположением в гуще деревьев, на берегу большого озера, величественным видом примыкавших к нему башен, изумительной окраской, весьма схожей

с цветом северного неба, отчего в пасмурные дни казалось, что он сливается с небом, растворяется в нем.

Не менее восторженное удивление вызывала внутренняя отделка дворца, своей роскошью и изысканностью как бы спорившая со строгим внешним обликом здания. Обилие прекрасных картин, скульптур и барельефов, великолепная мебель, богатые драпировки и люстры чудесно восполняли искусную архитектуру его помещений. Во дворце были собраны ценнейшая коллекция антикварных вещей, выполненных руками виднейших мастеров Европы и России, огромный арсенал, состоявший из 700 ружей различных систем и пистолетов, библиотека в несколько тысяч томов. В отдельной комнате хранились рукописи М.В. Ломоносова, приобретенные владельцем дворца у вдовы великого ученого.

Даже искушенные в тайнах садового искусства люди, видевшие пейзажные парки других пригородов Петербурга, Лондона и Парижа, поражались красотам Гатчинского парка, его композиционному разнообразию, многокрасочности и искусной системе насаждения, короче, всей той кажущейся естественности, которая была умело создана большим и незаметным трудом русских садовников.

После смерти Орлова его гатчинское поместье было куплено в казну. 6 августа 1783 года Екатерина II подарила мызу Гатчина с дворцом и окрестными деревнями своему сыну Павлу Петровичу.

Щедрость императрицы диктовалась ее тайным намерением отдалить нелюбимого наследника престола от Петербурга. Она опасалась, что сын предъявит свои права на престол, похищенный ею у мужа, Петра III. Желание Екатерины II совпало со стремлением самого Павла быть подальше от царского двора. Он боялся, что царица, благословившая при вступлении на престол убийство отца, не остановится и перед его физическим уничтожением, лишь бы не допустить к трону.

Вот почему Павел поспешил перебраться в Гатчину, занялся строительством военных укреплений, сколачиванием отряда верных телохранителей – гатчинского войска. Не утратив надежды на власть, он в продолжении тринадцати лет создавал там в малом виде ту своеобразную гатчинскую Россию, которая представлялась ему в будущем единственно достойным образцом для государства.

С водворением Павла в Гатчине мирная загородная усадьба екатерининского вельможи превратилась в военный лагерь опального претендента на русский престол. По приказу нового владельца согнанные сюда с окрестных деревень крестьяне тотчас же начали возводить военные укрепления.

При въезде в Гатчину со стороны Царского Села возникла крепость Ингербург. Небольших размеров, она была выстроена по всем правилам фортификации тех лет и имела в плане форму многоконечной звезды, образованной земляным валом и рвом с водой. Пересекавшая крепость дорога упиралась в ворота со шлагбаумами. Около Ингербурга находилась Солдатская слобода. «Эта слобода имела заставы, казармы, конюшни, – писал современник, – все строения были точь-в-точь такие, как в Пруссии, а по виду войск, тут стоявших, хотелось побиться о заклад, что они прямо из Берлина».

Ближе ко дворцу, где от Большой дороги ответвлялась Дворцовая аллея, был насыпан другой редут. Вход в него преграждали железные ворота, около которых стояли караульные будки. На его брустверах установили шесть пушек. В 1792–1793 годах площадь внутри редута получила архитектурное оформление в виде больших солнечных часов. «Циферблатом» служили внутренние стены укрепления, на которых были нанесены почасовые деления, а «стрелкой» – тридцатидвухметровый обелиск из местного, так называемого черницкого камня (из села Черница возле Гатчины), сооруженный при участии талантливого строителя-самоучки, вологодского крестьянина К.А. Пластинина. Площадь называли «Коннетабль».

Подобно Ингербургу, на Красносельской дороге возвели укрепление Мариенбург. За Гатчиной, на северном берегу реки Колпанки, у пильной мельницы, раскинулись строения Солдатской слободы, обнесенной в сторону Петербурга большим валом и рвом. Здесь также был шлагбаум и посты на дороге.

Сохранившаяся доныне башня на Красноармейском проспекте – часть бастиона, запиравшего выход из Дворцовой аллеи на Красносельскую дорогу. Построенный несколько позже других укреплений, он создавал впечатление маленького островка. Это определило его название – «Екатеринвердер».

Замыкал всю эту систему небольших укреплений глубокий ров перед дворцовым лугом, превращенным Павлом в учебный плац. Через ров был перекинут подъемный мост, около него на брустверах вала стояло 12 пушек. Очевидно, при Павле, на случай поспешного бегства, прорыли подземный ход из дворца в парк.

Еще несколько построек появилось одновременно с ростом гатчинского войска. За Большой дорогой выросла Бомбардирская слобода, где поселились артиллеристы. Около «Екатеринвердера» построили казармы Кирасирского полка, а рядом с парком – дом для команды озерной флотилии. Поблизости от казарм расположились конюшни, продовольственные и фуражные склады – магазины, пороховой погреб. Среди военных «учреждений» тех лет были госпиталь, военно-сиротский дом около Мариенбурга, призванный готовить музыкантов для солдатских хоров, а также церковь для иностранцев-иноверцев, которыми изобиловало павловское войско.

В этот период Гатчина обзавелась своей промышленностью, если так можно назвать мелкие мануфактуры и мастерские. В самом посаде возникли замшевая фабрика, шляпная и золотошвейная (галунная) мастерские. В 1795 году в Бомбардирской слободе возвели существующее доныне подковообразное здание суконной мануфактуры. Его построил известный архитектор Н.А. Львов. Неподалеку от «Зверинца» начала работать казенная полотняная фабрика, севернее – стекольный завод. На берегу Колпанки действовал построенный раньше фаянсовый завод. При ферме создали сыроварню, на реках Пудость и Ижора – мукомольные мельницы. Все предприятия были малорентабельными и существовали только благодаря финансовой поддержке владельца Гатчины. Они работали на привозном сырье, выпуская низкокачественную продукцию для солдат.

Наряду со строительством, в Гатчине муштровалось войско наследника престола. По замыслам Павла, оно должно было быть образцом, моделью для организации вооруженных сил России после его прихода к власти.

Кроме сухопутных команд Павел завел на гатчинских озерах флотилию. Соорудили верфь, на которой в 1795–1797 годах корабельный подмастерье Курочкин построил и спустил на воду яхту «Миролюбивый» и 16-пушечный фрегат «Эмпренабль». Не велика была мощь гатчинской флотилии, но это не мешало разыгрывать на озерах целые сражения «с пушечной пальбою и абордажами».

Ко времени прихода к власти Павла гатчинское войско насчитывало 2399 человек (в несколько раз больше жителей самой Гатчины). Армия Павла не числилась на учете в Военной коллегии и не получала от нее никаких материальных средств. Она существовала на средства, которые выколачивались из крестьян окрестных деревень, а также на деньги, отпускаемые Екатериной II сыну для содержания его «малого двора». Это сказалось на составе гатчинских войск, прежде всего офицеров.

В армию Павла, по свидетельству современника, шли «бродяги, выгнанные за разные гнусности из армии, которые, не имея пристанища, рады были всё переносить из-за куска хлеба». Большинство офицеров были иностранцами, пруссаками, прибывшими в Россию «на ловлю счастья и чинов». Злобно презирая русских солдат, эти штейнверы, линденеры, бекманы служили верным орудием Павла по опруссачиванию гатчинских, а позднее

всех русских войск. Они принесли с собою из прусских казарм мелочную регламентацию службы, бессмысленную муштру, жестокую палочную дисциплину. Не уступали им немногочисленные русские офицеры-гатчинцы, из среды которых вышел Аракчеев, или Змей-Горыныч, как прозвал его народ за бессердечие и изуверство.

«Таланты» гатчинских офицеров проявлялись на ежедневных солдатских учениях. Под гром барабанов и взвизги флейт солдаты часами выстаивали в строю, обучаясь точному равнению «в косу», ходили взад-вперед мелким, «гусиным» шагом, делали бесконечные ружейные приемы. И, видимо, на гатчинском плацу родилась солдатская поговорка: «Где ученье – там и палки». Бесчисленными пинками и зуботычинами, зверским избиением сопровождали офицеры каждое учение. Они действовали по аракчеевскому правилу – «девять убей, десятого выучи». Не проходило дня, чтобы лазареты не пополнялись искалеченными солдатами.

Но особенно тяжело давались солдатам вахтпарады. Еще накануне вступления в караул они должны были сделать себе прическу. На голову надевались завитые парики, к ним проволокой прицеплялись букли и косички. Парики поливались квасом и обсыпались вместо пудры белой мукой. Для белизны лица лоб и щеки натирались мелом. После этой процедуры, чтобы не испортить прически, солдаты были вынуждены или вовсе не спать ночь, или же спать сидя.

В день парада, в девять часов утра солдат строили перед дворцом. Узкая, неудобная одежда теснила грудь, сковывала движения. Выходил Павел, раздавалась музыка, и начинался церемониальный марш. Круг за кругом двигались шеренги по лугу, производя различные перестроения и вычурные приемы ружьем. Впереди солдат пляшущей походкой шагали офицеры. Павел внимательно следил за парадом. Иногда он, озлобленный, забежав перед строем, дико выкрикивал: «раз, два! раз, два!» В полдень, утомленные бессонной ночью и трехчасовой муштрой, солдаты отправлялись на смену караула.

Дробный звук барабанов не только давал темп занятиям войск. Он был как бы пульсом жизни всей Гатчины и ее населения. Ежедневно в шесть часов утра по улицам проходили военные патрули (рунды) с барабанщиками. Они били утреннюю зорю. Это значило, что гатчинцы из «простонародья» должны были приступить к работе. В полдень пушечный выстрел сообщал о наступлении обеда. В девять вечера рунды вновь обходили улицы, выбивая вечернюю зорю. Сразу же закрывались лавки, ворота, ставни, в домах гасили свет. Опускались шлагбаумы, прекращая доступ в Гатчину.

Когда в ноябре 1796 года Павел вступил на престол, он попытался сосредоточить в своих руках всю полноту государственной власти, «укрепить» правительственные органы, «подтянуть» армию – вооруженную опору царизма.

Царь вызвал из Гатчины свой «малый двор» и войско, приближенных назначил на высокие государственные посты. Сто тридцать двух офицеров-гатчинцев включили в гвардию, а солдат гатчинских батальонов распределили по гвардейским полкам. Мрачная тень павловской Гатчины легла на Россию.

Петербург зажил по гатчинским порядкам. Полосатые шлагбаумы преградили въезды в столицу, о каждом прибывшем в город незамедлительно сообщали царю. Население обязывалось ложиться спать и вставать в строго определенное время, красить дома в узаконенный цвет, появляться на улице в установленной одежде и при встрече с императором соблюдать особый церемониал, танцевать только разрешенные танцы и в разговорах употреблять лишь дозволенные слова. За соблюдением всех этих мелочных правил неусыпно и придирчиво следили полиция и сам царь. Нарушителям грозили немедленные и беспощадные кары – разжалование, ссылка в Сибирь, заключение в крепость, а для «простолюдинов» – бессрочная каторга и неперенные розги.

Русскую армию начали уподоблять гатчинскому войску. Удобную, проверенную в походах солдатскую одежду заменили куцей формой гатчинских батальонов. На головы сол-

дат напялили парики и косы. Ввели сочиненный в Гатчине воинский устав, основу которого составляла шагистика. На Дворцовой площади и Марсовом поле устраивали ежедневные вахтпарады. Неистовствовали офицеры, всюду используя испытанные в Гатчине «средства воздействия» – кулак и палку. А по стране металась фельдъегеря, развозя приказы о смещении и наказаниях провинившихся и недовольных офицеров и солдат, о назначении в полки гатчинских выкорышек.

По-гатчински действовали и в деревне. Павлу было хорошо известно, как окрестные гатчинские помещики расправлялись с бунтовавшими крепостными, и он пришел к выводу, что казенных крестьян следует передать помещикам, поскольку «у них своя отеческая полиция». Став царем, он раздал своим приближенным около 550 тысяч «душ» государственных крестьян. Крепостники ревностно исполняли полицейские обязанности, жестоко подавляя малейшее недовольство крепостных крестьян.

11 ноября 1796 года посад Гатчина стал городом дворцового ведомства. Для лучшего наблюдения за «порядком» весь город, состоявший в 1798 году из 237 домов, был разделен на четыре части: Дворцовая с «Екатеринвердером», Ингербург с посадом, Загвоздинская с Бомбардирской слободой и Мариенбург. Во главе каждой части стоял комиссар, подчинявшийся полицмейстеру. Комиссары бдительно следили за тем, чтобы соблюдался предписанный царем «дух добропорядочности» и «строжайшего благочиния».

В 1797 году петербургский купец Варгин открыл герберг – постоянный двор с буфетом и биллиардом. В следующем году это первое «культурное начинание» в Гатчине пополнилось еще двумя трактирами. Впрочем, открытые «увеселительные заведения» предназначались только для «благородных» горожан и приезжих. Под угрозой штрафа управление запрещало содержателям кабаков впуск в них «простова народа, как-то: крестьян, господских людей и солдат, заторных женщин и в развращенном одеянии людей».

Лишь через два года после этих «знаменательных» событий Гатчина получила школу. В нее зачислили 75 детей состоятельных родителей. Тогда же почтмейстер Немов открыл на Большом проспекте почтовую контору. Для жителей отпала необходимость ходить на прежнюю почтовую станцию в деревню Малое Колпино.

Попытки увеличить торгово-ремесленное население Гатчины, несмотря на обещание льгот, не увенчались успехом. Зато быстро и неуклонно умножалось количество расквартированных войск. Город, как и раньше, оставался большим военным лагерем, а гражданское население было призвано обслуживать войска и нужды царского дворца.

С переименованием в город Гатчина стала летней резиденцией царя, куда съезжались придворные и петербургская знать. Это вызвало изменения во внешнем облике города. Начались большие строительные работы, которыми руководили выдающиеся русские зодчие. Первым главным архитектором Гатчины был Н.А. Львов, талантливый строитель и художник. В 1797 году его сменил И.Е. Старов, автор Таврического дворца и других замечательных построек в столице. В течение двух лет, с конца 1799 года обязанности главного архитектора исполнял А.Д. Захаров, впоследствии создавший один из лучших памятников мировой архитектуры – здание Адмиралтейства в Петербурге.

Сам город больших изменений не претерпел. Для приближенных царя возвели на казенные средства несколько каменных зданий. По проектам А.Д. Захарова соорудили для общественного пользования торговую баню и соляной магазин (склад). На улицах появились поставленные К.А. Пластиныным каменные верстовые столбы.

Попытка городского управления упорядочить застройку главной улицы – Большого проспекта – ни к чему не привела из-за недостатка средств.

Основные строительные работы во дворце и в парке начались в 1790-х годах. Ими руководили, кроме главных архитекторов города, гениальный русский зодчий В.И. Баженов и придворный архитектор Павла I В.Ф. Бренна.

Прежде всего подвергся перестройке дворец. Отходившие от центральной части орловского замка сквозные аркады заложили желто-красной известковой плитой. Вместо открытых лоджий над аркадами появились закрытые Чесменская и Греческая галереи. Надстроили четырехугольные помещения на крыльях дворца – каре. В одном из них – Кухонном, разместились хозяйственные службы, в другом – Арсенальном – библиотека из 40 тысяч томов и коллекция оружия. Земляные бастионы перед дворцовым плацем одели в камень.

Переделали внутренние помещения дворца. Были заново созданы так называемая морская столовая, тронные залы, придворная церковь. В их оформлении участвовали виднейшие ваятели, живописцы и мастера прикладного искусства, десятки крепостных умельцев. Для украшения дворца 20 августа 1799 года из петербургского Эрмитажа привезли 158 картин Рембрандта, Тициана, Корреджо и других выдающихся живописцев Европы.

Преобразился Гатчинский парк. Входы в него украсились вновь построенными Адмиралтейскими, Березовыми, Зверинскими, Каскадскими и Сильвийскими воротами. На «Острове любви» возник «Павильон Венеры», вокруг него – партерный садик со скульптурой. На другом острове вырос «Павильон Орла». Оригинальный павильон-сюрприз «Березовый домик» создал архитектор Львов. Домик скрывался от взоров гулявших в парке порталом «Маска» архитектора Бренна. Интересными сооружениями были насыпанный из земли «Амфитеатр», «Цветочная горка» и «Хаос». К парковым постройкам тех лет следует отнести оранжереи, а также выстроенные при участии Захарова здания «Птичника» и «Фермы».

На Белом озере из пудостьского известняка была сложена терраса-пристань со сбегаящими к воде ступенями лестниц. Террасы появились на Длинном острове, «Острове любви», над Большим проспектом. Они перемежались паромными пристанями. Проток у Длинного острова и противоположные концы Белого озера украсились изящными Адмиралтейским, Большим Каменным и Горбатым мостами.

Пейзажный парк дополнился строго распланированными «регулярными» садами. Между дворцом и «Коннетаблем» насадили Собственный, Голландский, Верхний и Липовый садики. За Адмиралтейством возник Ботанический сад. В юго-западной части «Зверинца» отгородили большой участок леса для охоты на оленей, проложили дорожки и только за полтора года посадили тут свыше 50 тысяч деревьев. Участок получил название «Сильвия» (от латинского *silva* – лес). Выкопали обязательные для всех регулярных садов искусственные водоемы – Круглый, Восьмигранный, Прямоугольный и Карпин пруды, а также Водный лабиринт.

Одновременно привели в порядок существовавшие сооружения, очистили аллеи и дорожки, посадили новые деревья, реставрировали парковую скульптуру. Восстановлением скульптуры занимался талантливый ваятель И.П. Прокофьев.

Несмотря на все художественные новшества, в жизни Гатчины ничего не изменилось. По-прежнему въезд в нее преграждали полосатые шлагбаумы, барабанный бой военных рундов будил и укладывал спать жителей и, как раньше, на полковых плацах муштровали солдат.

Несколько оживала Гатчина летом, когда из Петербурга приезжал царский двор и во дворце устраивались парадные приемы и балы, а в парке и «Зверинце» – гуляния с фейерверками и грандиозная охота.

Многолюдно было в городе и в дни ежегодных осенних маневров, когда здесь скопилось свыше пятнадцати тысяч войск. «Относительно собственно самих маневров, – справедливо заметил современник, – сказать нечего, они были скудны в стратегии, жалки в тактике и никуда не годны в практике!»

Дворцовые торжества и маневры не удивляли горожан. Пусть в меньших размерах, но они видели всё это и раньше. Необычным было появление в 1798 году на улицах города красных и белых плащей мальтийских рыцарей, черных сутан монахов. Павел I избрал Гатчину местопребыванием приора (игумена) монашеского Мальтийского ордена. На берегу

Черного озера по проекту архитектора Львова для приора выстроили специальный дворец – Приорат.

Белоснежный Приоратский дворец-замок – уникальный памятник строительного искусства. Он сооружен по способу землелитных строений, изобретенному Львовым. Сущность этого способа заключалась в следующем. В особых переносных станках утрамбовывался слой серой глины толщиной 5–6 сантиметров, затем вводилась тонкая прослойка известкового раствора и вновь следовал слой глины. Из полученных таким образом блоков, скрепленных между собой известью, сложены все стены дворца. Только башня возведена из известковой плиты. Землелитный способ позволил создать весь дворцовый комплекс в невиданно короткий срок – в два с половиной месяца. Вокруг Приората возник пейзажный парк. Углубили и расширили Глухое озеро, к которому подвели водопроводную канаву из Колпинского озера.

Мартовской ночью 1801 года в Михайловском (Инженерном) замке в Петербурге Павел I был задушен своими приближенными. Гатчина перешла в собственность его жены, Марии Федоровны. Уединившись во дворце, вдовствующая императрица занялась «благотворительностью». В 1802 году на Большом проспекте открыли «сельский воспитательный дом», в который с 1817 года помещались исключительно «незаконнорожденные» дети крестьян царской усадьбы. Вслед за ним создали три дома для слепых на 50 человек и богадельню с таким же количеством мест. Город наводнили вдовы и сироты, надеясь получить приют в одном из этих заведений.

За первую четверть XIX века Гатчина утратила свой военный вид.

Отсутствие военного заказчика привело к закрытию суконной, кожевенной и полотняной фабрик. Прекратили свое существование шляпная и галунная мастерские, фаянсовый и стекольный заводы. Свернулась торговля. Опустели парки. Зарос травой плац...

Только однажды, в грозные дни Отечественной войны 1812 года, город был наводнен множеством людей. По его улицам 4 сентября в направлении на Лугу прошел первый отряд Петербургского ополчения в сопровождении двух эскадронов гусар и улан, солдат Воронежского пехотного полка. Спустя сутки здесь сделал дневку второй отряд петербургских ополченцев. В рядах ополчения было 28 ратников из гатчинских мещан и 114 человек из окрестных селений – Таицкой мызы, Суйды, Рождествено. Царица же не отпустила ни одного из своих крестьян, ограничась добрыми пожеланиями и небольшой денежной суммой.

В 1814 году поредевшее в боях ополчение возвратилось в Петербург. Оно успешно сражалось с армией Наполеона под Полоцком, Витебском, Старым Борисовом, на березинской переправе, участвовало во взятии Кенигсберга, Пиллау, Данцига. Медалями были награждены 393 ополченца из Царскосельского уезда, среди них и гатчинцы. Храбро дрались у Бородина, Малоярославца, Березины гатчинские кирасиры, принявшие участие в освободительном походе русских войск в Европу.

В 1851 году на дворцовом лугу в Гатчине поставили бронзовую фигуру Павла I (работы известного ваятеля И.П. Витали). Бронзовый Павел был не просто памятником, сооруженным Николаем I своему отцу. Он был символом зловещих павловских порядков, возрожденных в стране новым владельцем Гатчины. Потопив в крови восстание декабристов, царь проводил политику черной реакции, жестоко подавляя все выступления против самодержавия, преследуя всякую свободолобивую мысль, усиленно муштруя армию. При этом сын во многом подражал отцу.

Подобно Павлу, Николай I свою деятельность в Гатчине начал с военных сооружений. В 1829–1831 годах архитектор В.А. Глинка построил в Ингербурге казармы гвардейского батальона и перестроил старые Ингербургские ворота. Рядом с казармами появился учебный плац. Тогда же расширили казармы и манеж Кирасирского полка, возвели Смоленские ворота. Часть города обнесли рвом и валом.

Был увеличен гарнизон. Уже в 1840 году его численность достигала двух тысяч человек, а во время ежегодных маневров под Красным Селом, когда Гатчина становилась штаб-квартирой царя, город, как и встарь, превращался в большой военный лагерь с обязательными постоями солдат на «обывательских» квартирах, шумом и суетой на улицах, помпезными празднествами во дворце и парках.

Форма одежды николаевских солдат отличалась от гатчинского войска большей парадностью и блеском. Этим обывателю стремились внушить уважение к армии самодержца. Но методы обучения остались прежними. Боготворимая некогда Павлом строевая подготовка стала вершиной воинского мастерства и для Николая, который, по меткой характеристике Ф. Энгельса, также «был по натуре посредственный ротный командир». С утра до ночи на гатчинских плацах гремели барабаны и солдаты под руководством вышколенных «дядек» и унтер-офицеров занимались бесконечной шагистикой. За этой бессмысленной, изматывавшей силы муштрой наблюдали офицеры и сам царь, не прощавшие солдатам ни малейшего промаха, ни одной ничтожной провинности.

Палка офицера гатчинца была возведена в принцип жизни николаевской армии. Ни одна солдатская спина не избежала розог или шпицрутен, не один «служивый» был насмерть запорот на «зеленой улице». Их били за всё, зло и методически, и так же методически регистрировали наказания в формулярных списках: «По приказу командира полка генерал-лейтенанта Туманского 1-го наказан 150 ударами розог за кратковременную из казарм отлучку». Это сказано о гатчинском солдате Чижове, наказанном, кроме того, еще 250 розгами. Подобными записями пестрят и другие формуляры.

Тяжела была 25-летняя служба николаевского солдата. Не легче его доля становилась и в отставке.

В 1832 году за Ингербургскими воротами возникла инвалидная слобода, которой Николай дал имя Павла I. Двенадцать новых домиков предназначались для тех, кто отслужил «верой и правдой» свой срок в гвардейских частях и не имел приюта в родных деревнях. Инвалиды водворялись на жительство в слободу с «высочайшего» разрешения. Первоначально им выделялось единовременно по сто рублей на обзаведение хозяйством. Через несколько лет субсидию сократили, а позднее и вовсе ликвидировали.

Павловская слобода напоминала собою созданные Аракчеевым военные поселения. Дворцовому начальству было строго предписано «иметь через комиссаров своих неослабный надзор в сей слободе как за поведением жителей ее, так и за опрятностью в домах их и за всем тем, что они обязаны исполнять». Вся жизнь поселенцев регламентировалась жестким, почти воинским порядком и дисциплиной. За «дурное поведение» инвалиды подлежали суровому наказанию, вплоть до выселения.

Павел I объявил Гатчину городом, Николай I вознамерился сделать ее уездным центром. В конце 1850 года он приказал рассмотреть вопрос об организации Гатчинского уезда, но потом почему-то раздумал. Город остался в подчинении Министерства императорского двора и к середине XIX века насчитывал свыше пяти тысяч жителей, включая местный гарнизон. Ничем не отличаясь от другие населенных мест николаевской России, Гатчина, по выражению местного литератора А.В. Эвальда, «представляла из себя нечто вроде того города, в котором общий наш знакомец Иван Александрович Хлестаков так удачно разыгрывал роль ревизора. Там были тогда и Сквозники-Дмухановские, и Ляпкины-Тяпкины, и Держиморды, и Бобчинские с Добчинскими, – одним словом все наши неумирающие приятели, носившие только другие имена, вероятно, для сохранения строжайшего инкогнито».

Заботу о населении эти чиновные «отцы города» начали с постройки в 1836 году нового «съезжего дома» для полиции «с ее служителями и инструментами» и местной пожарной команды. Отсюда «всевидящие глаза» и «всеслышащие уши» николаевских жандармов зорко следили за «состоянием умов» жителей. Здесь немало перепороли гатчинских горо-

жан. В расходах полицейской части для этой цели была специальная графа – «заготовка лозы», а архивные дела дворцового управления полны рапортов гатчинских держиморд, из которых следует, что «казенный штукатур Матвей Семенов... наказан 50 ударами розог», дворцовому плотнику дано 60 розог, кузнецу – 20, и так далее.

Именно полиции Гатчина обязана тем, что Николай I сделал ее местом жительства ряда «поднадзорных» лиц. После подавления царскими войсками восстания в Польше 1830–1831 годов здесь жил «бывший польских войск подполковник Продзинский, произведенный мятежным правительством в дивизионные генералы». В 1834 году сюда на поселение направили исключенного из Дерптского университета «по прикосновенности к открытому между студентами сего университета тайному обществу» студента Мелатропуса. Спустя год в городе поселили как важного государственного преступника грузинского князя Дмитрия Иулоновича.

Вслед за «съезжим домом» в 1840 году возвели вместо деревянных построек три каменных здания госпиталя. Открыли частную аптеку. Но здравоохранение от этого ничего не выиграло. Николай I запретил бесплатное лечение. Установленная им плата за пребывание в госпитале была непосильна для подавляющего числа горожан, которые оставались без всякой медицинской помощи.

Не лучше обстояло дело с просвещением. Хотя в 1832 году двухклассное городское училище преобразовали в трехклассное, доступ в него девочкам был закрыт. Высокая плата лишала возможности учиться и большинство мальчиков. Только по гатчинскому дворцовому управлению в 1852 году числилось 457 детей неимущих родителей, но школ для них «за неимением средств» не открывали.

С 1837 года прекратили прием детей «низшего сословия» в сельский воспитательный дом, который реорганизовали в институт для сирот из офицерских и чиновничьих семей. Через десять лет институт превратили в среднее учебное заведение по подготовке чиновников государственных учреждений. Царь утвердил основной принцип воспитания детей в институте – «строжайшая дисциплина», основанная на «страхе божьем» и розге воспитателя.

В 1844 году, чтобы «дать возможность образованному классу иметь приятное рассеяние по вечерам, а также пользоваться чтением газет и журналов русских и иностранных с малыми на то издержками», открыли «Благородное собрание». Местные помещики и чиновники приветствовали создание клуба и, игнорируя его устав, переключили всё свое внимание с читального зала на буфет и зеленый карточный стол.

Простому гатчинцу вход в «Благородное собрание» был закрыт. Ему запрещалось, если даже он служил во дворце, находиться на территории парков, окрестных лугов и лесов, отводившихся под царскую охоту. Рядовому горожанину негде было провести свой короткий досуг. «Остается только единственное место, куда вход не возбраняется и куда он в силу привычки вынужден отправиться, – писал гатчинский гофкурьер Емельянов, – это трактир со всеми последствиями». В городе бойко торговали пятнадцать различных «питейных» заведений.

В 1846–1851 годах в Гатчине возвели новый собор. Строительством руководил архитектор Р.И. Кузьмин, а внутренним оформлением занимались известные живописцы Ф.А. Бруни, И.П. Скотти, В.А. Серебряков и другие.

Пуск в 1837 году Царскосельской железной дороги содействовал установлению регулярного сообщения между Гатчиной и столицей. В 1838 году статский советник Серапин открыл в Гатчине контору дилижансов. В своем прошении на имя коменданта города он сообщал: «Отправление дилижансов приспособляется к отходу паровозов из Царского Села в С.-Петербург и обратно, так чтоб сими средствами жители Гатчины могли б один день побывать в С.-Петербурге и возвратиться в Гатчину к ночи».

Спустя десять лет у чиновного предпринимателя появился конкурент – ямщик Алексей Чернов. Он пустил в обращение общественные кареты «для перевозки пассажиров между Царским Селом и Гатчиной, со взиманием с четырех мест внутри кареты по 1 рублю серебром и с двух мест на передке фаэтона по 50 копеек серебром».

Конкурентов примирил паровоз. В 1854 году до Гатчины дошла линия строившейся Варшавской железной дороги. Наладилось прямое железнодорожное сообщение с Петербургом. Перестали курсировать дилижансы и общественные кареты.

Всё это, однако, не облегчило доступа в Гатчину, не изменило ее склада жизни. Еще в конце 60-х годов прошлого столетия многое оставалось от павловских времен. Те же шлагбаумы и заставы на въездах в город, старый распорядок дня по барабанному бою, привычное «слуша-а-а-й» ночных будочников.

Середина XIX века ознаменовалась волнением дворцовых крестьян. Это было первое открытое выступление в Гатчине против царизма и крепостнических порядков. Оно было вызвано чрезмерным обилием всевозможных «повинностей», которые доводили крестьян до нищеты и отчаяния.

Помимо ежегодных денежных податей в 4 рубля 15 копеек серебром с «души» и 8 рублей 90 копеек с «тягла», крестьяне обязаны были нести «натуральную повинность». Обработка полей, доставка удобрений, дров, казенные покосы, обжиг угля, подвоз в «Зверинец» сена для оленей и другие дела заставляли их «исполнять казенной работы по 189 дней с тягла же, из коих 110 дней с лошадьё». Кроме того, различные дополнительные работы выполнялись всем «миром» (деревней). Тяжелой повинностью были рекрутские наборы, вырывавшие из крестьянских семей молодые, здоровые рабочие руки.

Еще в 1831 году в Гатчине обнаружили листовку: «Наступило тое время, в которое должно очистить матушку Россию от разбойников-дворян. Они нас не жалели, так режь их дочиста. Забушуем, забунтуем, с кровью воды все смешаем. Бей тиранов!» Призыв к бунту привел в трепет дворцовое начальство. Министр двора приказал срочно «отыскать сочинителей оного». Но найти их не удалось.

И вот в 1852 году зревшее недовольство вылилось в бунт. Началось с того, что в 1851 году гатчинские крестьяне подали начальнику дворцового управления генералу Люце прошение перевести их «по примеру удельных крестьян на оброчное положение». Такую же просьбу направили Николаю I. Ответа не последовало. Крестьяне отказались подчиняться властям и самовольно созвали мирскую сходку всей волости.

Усмирение крестьян дворцовое начальство возложило на местный гарнизон. Бунт подавили. В 23 деревнях установили воинский постой. Особо «непокорных» отправили в арестантские роты, а 41 человек «царской милостью» получил от 50 до 150 розог.

В заключение расправы летом 1852 года 800 крестьян были согнаны на дворцовый плац. Перед ними выступил наследник престола. Пригрозив новыми карами, он потребовал от крепостных, чтобы они «ходили на барщину согласно воли, выраженной государем императором... слушали начальство и исполняли все приказания».

Так состоялось знакомство гатчинцев с будущим царем-«освободителем» Александром II. Став в 1855 году хозяином Гатчины, он, естественно, продолжил политику своего предшественника в крестьянском вопросе. Лишь 3 января 1861 года гатчинских крестьян перевели, наконец, на оброк. Понятно, что и эта мера не принесла заметного облегчения.

Александр II избрал Гатчину постоянным местом дворцовой охоты. В связи с этим в 1857 году на берегу извилистой речки Пильной (Колпанки), южнее Мариенбурга, возникла Егерская слобода. В однотипных домиках, построенных по проекту архитектора Гросса и украшенных резными изображениями оленьих голов, поселили переведенных из Петергофа егерей, стремянных, лесников и прочих служителей придворной охоты. «Зверинец» пополнили новыми животными.

Некоторые меры благоустройства коснулись в этот период города.

В 1855 году немецкие фабриканты Сименс и Гальске устроили в Гатчине воздушный телеграф. Вслед за этим из столицы протянули телефонную линию. В 1860 году на дороге через Приоратский парк установили первые в городе 80 керосиновых фонарей. Однако телефон и телеграф обслуживали только дворец и полицию, а фонари зажигались исключительно в часы проезда «высочайших особ».

В 1872 году к Гатчине подошла линия Балтийской железной дороги. Спустя семь лет жители Мариенбурга построили на свои средства железнодорожную платформу. Город мог бы стать дачным пригородом Петербурга. Этому, однако, препятствовали обязательное требование ко всем приезжавшим сюда (даже на одни сутки) отмечаться в полиции, строжайшая слежка за каждым прибывшим. Город рос очень медленно, и проложенные в 1872 году три новые улицы (Елизаветинская, Константиновская и Александровская) долгое время оставались незастроенными.

Сонно текла городская жизнь. Ее не нарушали открытая в 1876 году первая частная типография (свою же газету гатчинцам пришлось ожидать еще тридцать лет), появившиеся год спустя и начавшие прозябать общество Красного Креста и «вольная» пожарная команда. Жители, правда, охотно посещали «панораму» мещанина Крымова, за вход в которую, как гласило объявление, «каждая знатная особа платить имеет по своему благорассуждению, а простые люди – 5 копеек». Впрочем, вскоре зрелищное предприятие было закрыто.

Единственным событием этих лет, поломавшим установившийся распорядок, было волнение воспитанников Сиротского института 19 февраля 1868 года. Доведенные до отчаяния издевательствами воспитателя Игнациуса, они отказались повиноваться начальству. Их выступление не на шутку обеспокоило царских чиновников, поспешивших подавить недовольство. Спустя несколько дней «почетный опекун» Ламсдорф доносил в Петербург, что «порядок в Гатчинском Николаевском институте восстановлен. Девять воспитанников, по сделанному мною внушению, явились ко мне с повинною головою, я арестовал их и делаю распоряжение об удалении этих воспитанников из института».

Неприглядная картина жизни в институте нарисована в акте специальной комиссии по расследованию причин событий 19 февраля. Тут унижения и избиения, длительное содержание в карцере, недоброкачественная пища, словом, вся система издевательств, процветавшая в бурсе.

Воспитанники Мальевский, Кукарин и Красовский выразили недовольство пищей – их посадили под арест и под угрозой наказания накормили нарочно приготовленным обедом с примесью песка. Воспитанник Свиридов, получивший за мелкую шалость 100 розог, был отнесен в госпиталь на окровавленной простыне. Больного желудком мальчика трое суток в лазарете усиленно поили слабительным, вызвав осложнение болезни.

Жаловаться было некому. Директор института Доливо-Добровольский заявлял: «Если вы пошлете почетному опекуну анонимное письмо с жалобой на меня, то это подло с вашей стороны; если же вы подпишете ваши фамилии, то принесшие жалобу будут строго наказаны». Он угрожал, что отдаст в солдаты всех, на кого пожалуется Игнациус. Не приходилось рассчитывать на сочувствие опекуна, который хвастался: «Поехал в Гатчинский институт – перепорол 30 человек! Перепорю 60, 600! По крови пойду!»

Бессмысленно было обращаться и к царю. Он знал и молчаливо поощрял действия институтских властей. Об этом свидетельствует эпизод, рассказанный воспитанником Малаховским. Однажды царь посетил институт и потребовал, как полагалось, пробу пищи. Зачерпнув ложку щей, он с трудом проглотил их, но лицемерно одобрил. Царица, пригубив щи, тут же их выплюнула и всё-таки поспешно заметила: «Действительно, очень вкусно».

В общем, жизнь воспитанников была поистине хуже собачьей. Это не только образное сравнение. На их суточное довольствие, например, давалось по 14 копеек, из которых не

малую толику крали институтские экономы. На питание же каждой из пяти принадлежащих царице японских собачек, содержащихся в особом гатчинском «пансионе» под присмотром «мужика», отпускалось по 20 копеек.

А вскоре произошло другое событие. Оно свершилось почти незаметно для горожан, но стало крупной вехой в истории города. В нем сказались те изменения, которые происходили в стране после крестьянской реформы 1861 года, когда ускорило развитие капитализма и на арену политической борьбы начал выходить рабочий класс.

Известный русский металлург А.С. Лавров в 1874 году основал в Мариенбурге медно-литейный завод. Первое промышленное предприятие города было поначалу невелико (здесь занимались литьем колоколов), но с организацией капиталистического производства в Гатчине появились рабочие. И это обстоятельство, как мы увидим дальше, имело решающее значение для борьбы с гатчинскими самодержавными порядками.

1 марта 1881 года в Петербурге бомбой народовольца И.И. Гриневецкого был убит Александр II. Спустя месяц его преемник – Александр III, на смерть напуганный террором «Народной воли», скрылся в Гатчине – самом отдаленном пригороде столицы, за стенами отдельно стоявшего Гатчинского дворца. В течение тринадцати лет отсюда направлялась правительственная политика жесточайшей реакции.

Из 528 помещений дворца для царской семьи были выбраны три низких, полутемных комнаты в антресольном этаже, где хозяева создали подлинно мещанский уют с ситцевыми занавесочками на окнах, вышитыми диванными подушечками, прилепленными к стенам дешевыми литографированными открытками. «Эти «апартаменты», по мнению царских телохранителей, имели бесценное достоинство: все они выходили в круговой коридор, что облегчало охрану. Срочно заложили подземный ход из здания и установили сложную систему секретной сигнализации.

Во дворце организовали 11 внутренних и 19 наружных постов охраны, на которые ежедневно наряжалось из Кирасирского полка 107 солдат и офицеров. Помимо этого, специально выделенный полуэскадрон выставлял 2 постоянных поста и высылал 2 разъезда с офицерами. Охрану парка и «Зверинца» несли назначенные от полка 4 офицера с 70 конными рядовыми. В конце марта 1881 года в помощь кирасирам прибыли казаки.

Была поднята на ноги вся гатчинская полиция. Потерявший покой полицмейстер усилил надзор за населением, разбросав по городу сложную сеть слежки и шпионажа. С 1882 года для усиления полиции в ночное время каждый день посылался наряд из 21 солдата при унтер-офицере.

Не полагаясь на стену штыков и отряды шпииков, преданный страж и советник Александра III, обер-прокурор синода Победоносцев составил обстоятельную инструкцию, где перечислял всё, что царь должен повседневно делать, чтобы уберечь себя от смерти. «Наблюдать каждый вечер, осматривая под мебелью, всё ли в порядке», – гласил один из пунктов инструкции. Сами по себе эти правила поведения блестяще характеризуют гатчинское бытие «обожяемого монарха», который вынужден был перед сном заглянуть под кровать в поисках террориста.

Так жил в вечном страхе за свою «августейшую» жизнь «содержащийся в Гатчине военнопленный революции». «Ужасный, страшный год приходит к концу, начинается новый, – с отчаянием писал он Победоносцеву в канун 1882 года, – а что ожидает нас впереди?»

Город 1880-х годов имел 830 жилых и 712 хозяйственных построек, насчитывал 11 455 жителей, причем более половины горожан составляли войска, купцы и мещане. На содержание дворца уходило в 20 раз больше средств, чем на общегородские нужды. «Промышленность» представляли завод Лаврова да 32 карликовые мастерские и кузницы. В 1887 году было всего 130 рабочих.

Чем был богат город, так это трактирами, «ренсковыми погребями» и прочими питейными заведениями: их насчитывалось 62, или по одному на каждые 116 мужчин. Учителей же было значительно меньше; в 1895 году один педагог приходился на 526 жителей. Население наполовину было неграмотным.

Обилие заведений, где продажа вина «сопровождается постоянным криком, шумом, песнями с гармониками, буйством и другими безобразиями», очень озаботило начальника дворцового управления. Он предлагал царю уменьшить вдвое число этих злачных мест. Но, разумеется, к этому его толкала не забота о здоровье гатчинцев.

Ревностный страж царского спокойствия заявлял, что из-за множества трактиров город не может быть «поставлен в образцовое состояние порядка, тишины и безопасности», в каком должна находиться резиденция царя. К тому же генерал опасался за своих блюстителей порядка – полицейских, которые, как докладывал ему полицмейстер, «весьма часто напиваются, и вообще нравственность низкая».

Благодаря тому что Гатчина оказалась постоянным местопребыванием царского двора, город, вернее его центральная часть, заселенная придворными и чиновниками, был значительно благоустроен.

К 1893 году замостили 25 улиц. Убрали выступавшие на дорогу палисадники частных домов, устроили плиточные и асфальтовые тротуары, местами насадили деревья. Проложили две новые дороги, в которых, как утверждала официальная история Гатчины, «город нуждался». Эти дороги вели на кладбище и скотобойню. С 1888 года начал действовать водопровод. Еще ранее на улицах установили 325 керосиновых фонарей.

«Гатчину всю предполагается осветить электрическим освещением, – писал 2 августа 1881 года М.Е. Салтыков-Щедрин доктору И.А. Белоголовому и тут же отмечал причину этого благого намерения, – это должно сократить расходы на полицию».

Рядом с Арсенальным каре дворца была построена временная электростанция, и 25 ноября 1881 года «16 фонарей со свечами Яблочкова» впервые осветили район дворца.

Сам город еще долгое время оставался без электричества. Только в 1914 году дворцовая электростанция стала выделять малую толику вырабатываемой энергии на нужды города.

После смерти Александра III Гатчина перестала быть царской резиденцией и всё более превращалась в крупный дачный пригород. Ведь в условиях быстрого роста населения столицы развивались и предместья.

В 1904 году за Приоратским парком возникла Сергиевская слобода, еще раньше застроились Приоратский поселок, Новая Гатчина, Товарная станция. В летние месяцы город наводняли приезжавшие сюда на отдых петербургские фабриканты и заводчики, чиновники, коммерсанты и купцы.

Наплыв состоятельных дачников побудил дворцовое управление разрешить им посещение Приоратского парка, где устраивались концерты оркестров Семеновского и Кирасирского полков. Однако это новшество не распространялось на большинство жителей. «Нижним чинам (кроме вольноопределяющихся), рабочим и лицам грязно-неопрятно одетым, – гласили парковые правила 1896 года, – вход в парк воспрещается».

Наступили бурные месяцы первой русской революции.

«Кровавое воскресенье» 9 января 1905 года. Правительственные войска расстреляли стопятидесятитысячную мирную демонстрацию петербургских рабочих и их семей. Убито и ранено более пяти тысяч человек. Расправой руководил дядя царя, великий князь Владимир. Самого Николая II в столице не было. «Царь бежал в Гатчину. Впереди и позади царского поезда ехало по два поезда с артиллерией и войсками», – говорилось в листовке Петербургского комитета РСДРП. «Грозные призраки жертв загнали его и его родичей в Гатчину и Царское Село, – указывал в своем обращении «К рабочим» Московский комитет РСДРП. –

Сознавая свою неправоту, он укрылся в свое разбойничье гнездо, чтобы не слышать стонов избиваемых, не видеть крови на улицах...»

Однако и Гатчина не осталась в стороне от революционных событий.

11 декабря Гатчина была взбудоражена необычным событием. По центральным улицам города прошла демонстрация. Манифестанты, главным образом учащиеся, несли красные знамена, пели революционные песни, выкрикивали лозунги. В рядах сновали тайные агенты полиции, представившие позже дворцовому начальству списки активных участников демонстрации. Городские власти, напуганные открытым выступлением молодежи, бросили против нее Кирасирский полк. На Соборной улице солдаты-кирасиры разогнали демонстрацию.

Под напором революции в стране царское правительство изменило закон о Государственной думе, дав ей формально законодательные права. Однако система выборов в думу ограничивала доступ в нее рабочим и крестьянам, а в Гатчине, например, вовсе исключала их участие в голосовании. Из 16 тысяч жителей города правом голоса пользовались только 998 человек – домовладельцы, богатые квартиросъемщики из чиновников и интеллигенции, торговцы.

Разгромив Декабрьское вооруженное восстание пролетариата, царизм перешел в наступление. Как и повсюду, это сказалось в действиях гатчинских властей, всячески стремившихся оградить дворцовый город от «революционной заразы».

Гатчинский полицмейстер Кавтарадзе в начале 1906 года возбудил вопрос об увеличении штата городской полиции. Он требовал снабдить полицейских винтовками, чтобы «на случай беспорядков в городе иметь всегда под рукой готовый кадр чинов, который можно вывести против толпы». Дворцовый комендант Дедюлин выделил 20 тайных агентов, вменив им в обязанность изучать всех прибывающих в Гатчину «с точки зрения их политической благонадежности». К составлению списков «неблагонадежных» привлекли еще десять агентов-женщин.

В сентябре 1906 года секретным приказом штаба войск гвардии и Петербургского военного округа «для дел, возникающих по городу Гатчина с прилегающими к нему селениями, Лужскому уезду и южной части Гдовского уезда» был создан военно-полевой суд. В следующем месяце петербургский губернатор предписал дворцовому начальству в случае появления в Гатчине своих газет или журналов «обязать редакции их доставлять мне экземпляры сих изданий».

Выявив «неблагонадежных», полиция приступила к обыскам и арестам, которые вскрыли ряд фактов революционного движения в городе. Количество арестов увеличивалось с каждым годом. В 1906 году, например, при полиции содержалось 457 арестованных, в 1907 году – 572, в 1908 году – 620. Помимо этого, все важные арестованные передавались полицией в руки военно-полевого суда, Судейской палаты и других карательных органов.

Буржуазно-демократическая революция оживила пробудившуюся на рубеже XX века общественную жизнь города.

В Гатчине одно за другим стали возникать различные общества, влияние которых среди жителей, однако, было мало заметным. Созданное еще раньше (1900 год) общество «Просвещение» развернуло довольно энергичную деятельность. За четыре года было организовано 39 платных лекций и несколько экскурсий. Лекции читались о литературе и искусстве, истории и географии, астрономии и воздухоплавании. Экскурсанты посетили Путиловский завод и Пулковскую обсерваторию. Начали работать курсы иностранных языков и платные курсы по ликвидации неграмотности; последние сразу же потерпели неудачу: на них записалась лишь одна слушательница. К 1914 году число членов – учредителей обще-

ства сократилось почти втрое, а материальная необеспеченность заставила их прекратить всякую работу.

Двумя годами позднее «Просвещения» появилось общество любителей природы, занимавшееся популяризацией начал естественных и физико-математических знаний. Существовали общества любителей пения и музыки, пожарное и другие.

Благим намерением «противодействия чрезмерному употреблению спиртных напитков» задалось гатчинское отделение всероссийского общества трезвости, оформившееся еще в 1898 году. Первое время оно пользовалось успехом у беднейших горожан и приезжих крестьян. Впрочем, успех принадлежал не столько самому обществу с его воскресными «душеспасительными» беседами, сколько открытой им на Михайловской улице чайной, где за 18 копеек отпускались горячие обеды. Поэтому, когда в 1908 году поднялись цены на продукты и вздорожали обеды в чайной, число обедающих стало быстро сокращаться и вместе с ним увядать и само общество.

Иной характер носило так благотворительное общество, созданное в последние годы XIX века. Общество ставило перед собой цель «улучшить материальное и нравственное состояние», заботиться об «убогих и увечных». Оно контролировало 11 приютов и «убежищ», где в 1907 году содержалось 40 взрослых и 248 детей.

К тем же годам относится возникновение в Гатчине периодических изданий. Первый номер городской газеты «Гатчинский листок» вышел 3 февраля 1906 года. С благословения властей ее начал издавать комитет партии кадетов, проводивший предвыборную кампанию. Редакция ставила весьма ограниченную цель – проповедовать программу партии, вымогая у гатчинских избирателей голоса за ее кандидатов. Несмотря на откровенно контрреволюционную политику газеты, министерство двора секретно предписало начальнику гатчинского управления следить за «Листком», и. «если направление сего издания будет действительно революционным, то немедленно донести об этом... с приложением примечательных номеров сего издания». После выборов в думу газета прекратила свое существование.

В 1911 году начал издаваться литературно-общественный журнал «Приорат», редакция которого заявила о своем желании «пополнить пробел в духовной и общественной жизни города». Абсолютно аполитичный по содержанию, он заполнялся главным образом «трудами» обоих редакторов: один писал слабые фельетоны, другой – тоскливые стихи.

Спустя два года, 24 марта газетчики начали продавать первый номер «Гатчина», а чуть позже «Гатчинскую неделю». Давая разрешение на издание, дворцовое управление обязало редакции описывать события, преимущественно местные, «в беспартийном, строго объективном освещении». Одновременно полицмейстеру Кавтарадзе было приказано «иметь наблюдение» за газетами.

К 1916 году газеты закрылись от денежного худосочия.

Недолговечность существования гатчинских обществ и газет, их ограниченность объяснялись прежде всего тем, что они были достоянием узкого круга населения – его материально обеспеченных слоев. Подавляющее большинство жителей – трудящиеся не читало газет и не участвовало в публичных мероприятиях обществ. Для этой цели у них не было ни досуга, ни средств, ни образования. Взрослые горожане были, как правило, неграмотными или малограмотными. Такая же участь ожидала их детей.

В 1900-х годах город имел 8 одно-двухгодичных казенных и церковных школ («божьих храмов» было 13) да около десяти мелких частных школ, где за 3–5 рублей в месяц учеников «натаскивали» к вступительным экзаменам в средние учебные заведения. В городе такими были Сиротский институт, женская гимназия, реальное училище и учительская семинария, готовившая педагогов для начальных школ. В 1910 году появилась еще одна женская гимназия, через два года – мужское коммерческое училище. Как и реальное училище, эти заведения принадлежали частным лицам.

Сравнительно большое число карликовых начальных и средних школ отнюдь не облегчало доступа сюда детям бедняков. Их образование в лучшем случае заканчивалось церковноприходской школой. Разве могла отдать сына в реальное училище какая-либо работница завода Лаврова, если оплата за обучение равнялась 50 рублям, а ее годовая зарплата не превышала 196 рублей?! Мало того. Многие дети вынуждены были сами зарабатывать на кусок хлеба. Существовало немало препятствий для поступления «кухаркиных детей» в гимназии.

Бедна была и культурная жизнь Гатчины. Горожане не очень жаловали своим посещением спектакли заезжих артистов или благотворительные концерты. Это побудило устроителей вечеров перейти позднее к более доходным мероприятиям – демонстрации кинофильмов. Гатчинцы предпочитали ходить в Летний театр. Он размещался в «Малой Загвоздке» и получил прозвище «Шато-кабак». Владелец театра, зная вкусы своих клиентов, устраивал чемпионаты французской борьбы. На кассе театра появлялся аншлаги, и местный хроникер, захлебываясь от собственного красноречия, наполнял газетные отчеты «перлами», вроде «красавец Елизаров вклеил в ковер лопатки Халты-Алека», «Черная маска распластала своего противника», «Ахиллес затрепетал под Медведем».

К 1914 году в городе работало четыре кинематографа. Ярко размалеванные рекламы сулили кинозрителям массу удовольствий, приглашая посмотреть «Ключи счастья» или «Приключения Дурашкина». Особенно охотно обыватели посещали всевозможные «сердцеприятельные» драмы: «сильную» – «Глаза в окне», «жизненную» – «Огненная женщина», «современную» – «Рыдание скрипки» и другие.

Как и школами, обществами и газетами, основными «потребителями» культурных учреждений были состоятельные горожане. Их интересами и вкусами определялся характер этих учреждений. Отсюда понятно, почему пустовали залы художественных выставок, долгое время не развивался спорт, процветала пошлость на экранах кинотеатров, ломились залы на «чемпионатах», где обыкновенная драка с физическими увечьями преподносилась как классическая борьба.

Уделом небогатых гатчинцев оставались трактиры и кабаки. Они насаждались и процветали под покровительством полиции, чины которой имели от этого двойной доход: получали официальные премии за контроль по соблюдению государственной винной монополии и взятки от трактирщиков за попустительское нарушение этой монополии.

Если в Приоратский парк с 1906 года открыли доступ солдатам и труженикам (до 6 часов вечера – начала концертов военных оркестров), то Дворцовый парк по-прежнему оставался закрытым для всех, кроме самых близких к царю сановников.

Как ни скромны и ограничены были проявления общественной жизни в Гатчине, они всё же настораживали полицейско-бюрократический аппарат царской власти и его местные, гатчинские органы. Полиция и дворцовое управление активно вмешивались в деятельность городских учреждений, всеми средствами стремясь предупредить появление «крамолы». Полицеймейстер города утверждал уставы обществ, списки членов и программы мероприятий, тексты лекций и объявлений. Он обязал общество любителей пения и музыки на своих спевках ограничиться только «исполнением изданных с надлежащего разрешения музыкальных пьес», отменил лекции общества «Просвещение» о А.И. Герцене и крестьянской реформе 1861 года. По приказу петербургского губернатора дворцовый комендант запретил отмечать 28 августа 1908 года 80-летие великого писателя Л.Н. Толстого. Власти боялись, что манифестация в этот день будет использована для «протеста общественных сил против смертной казни».

Опасаясь террористических актов против царя, «Особая междоуведомственная комиссия по вопросу о средствах борьбы с возможным осуществлением преступных замыслов при помощи воздухоплавательных аппаратов», заседавшая в сентябре 1909 года, категорически воспретила полеты гатчинских авиаторов над дворцом и дворцовым парком. Заведующему

гатчинским аэродромом было предписано сообщать о политической благонадежности офицеров-летчиков, обучавшихся в авиационной школе. В 1912 году устроили секретную сигнализацию, связывавшую дворцовую канцелярию с кабинетом пристава.

В ноябре 1910 года в совершенно секретном отношении губернатора на имя попечителей гатчинских учебных заведений передавалось распоряжение министра внутренних дел о запрещении любых сходов и собраний студентов и учащихся. Предлагалось немедленно подавлять все выступления и демонстрации учащихся, не разрешать им собираться, даже выходить группами из учебных заведений.

Иван-город

Город в Кингисеппском районе Ленинградской области, в 147 км от Санкт-Петербурга. Расположен на правом берегу реки Нарвы, напротив эстонского города Нарва, с которым соединен мостом. Население более 10 тысяч человек.

Основан в 1492 году великим московским князем Иваном III Васильевичем, как «контр-Нарва».

В XVI веке Иван-город – одна из самых мощных русских крепостей с цитаделью и с 4 башнями, «Боярский город» с 4 башнями, «Замок» с 2 башнями и «Передний город» с 2 башнями. Иван-город часто отбивал нападения немцев, шведов, поляков.

В 1581–1590 и с 1612 по 1704 год Иван-город захвачен шведами. Во время русско-шведской войны в 1704 году освобожден, позднее объединен с Нарвой. С 1919 года – в составе Эстонии. С 1940 года – в составе СССР. В 1941–1944 годах Иван-город – Нарва оккупирован фашистами, частично разрушен.

Город – с 1954 года. До настоящего времени сохранились – остатки стен и башен крепости, церкви – Успенская 1558 года постройки, Никольская 1496 года, пороховой амбар 1690 года, арсенал 1698 года.

После 1991 года Иван-город разделен с Нарвой.

На берегу реки, в древности называвшейся Наровой, стоят два замка. На левом берегу – замок Нарва, ганзейский торгово-пограничный опорный пункт, и на правом берегу Иван-городская крепость постройки 1492 года.

Иван-город стоял на пограничной реке между Россией и Ливонией, был самым западным форпостом России на границе с немцами.

Девичья гора, на которой стоит крепость, с трех сторон окружена рекой, с четвертой – оврагом.

Первое нападение крепость выдержала в 1496 году, отбив шведский штурм. Шведы все же вошли в Иван-город, но удержаться не смогли и покинули крепость. После этого крепость была значительно обновлена и усилена, и получила трехтысячный гарнизон. Крепость имела 6 башен, но стены бойниц не имели. Все крепостные ярусы были перекрыты каменными сводами, построена башня-ловушка – Воротная.

К 1507 году зодчие Владимир Торокан и Маркус Грек на вершине Девичьей горы построили новое укрепление – замок.

Ивангородская крепость изначально строилась как крепость огнестрельного боя – боевые ходы связывали все башни крепости, а защитники могли планировать сражение.

Свое стратегическое значение Иван-город потерял в конце XVIII века, и был оставлен, как древний памятник.

В. Громов

Иван-город

Там, где ныне расположен Иван-город, в 1470-х годах существовало новгородское «Новое Село на Нарове». Бурно несущая свои воды и почти не замерзающая в этом месте Нарва отделяла тогда русские земли от захваченной немецкими феодалами Ливонии. Древняя летопись упоминает в 1473 г. о псковских посадниках и боярах, направленных сюда к новгородским послам для встречи с ливонцами. Спустя десять лет сюда же, очевидно, приезжали новгородские бояре, посланные Иваном III на съезд «под Ругодив с немцы».

Когда здешние земли вошли в состав централизованного Русского государства, близ Нового Села на Девичьей горе (получившей, по преданию, свое название от устраивавшихся здесь девичьих хороводов) была заложена крепость. Как рассказывает летопись, «...повелением великого князя Ивана Васильевича всея Руси заложил град на немецком рубеже против Ругодива города немецкого на реце на Нарове, на Девичьей горе, на слуде – четверуголен и нарече ему имя Ивангород».

Сооружение крепости диктовалось необходимостью укрепления границы на северо-западе в связи с частыми нападениями на русские земли ливонских и шведских феодалов. Кроме того, это был опорный пункт Руси в ее борьбе за выход к Балтийскому морю.

Иван-город возник против стоявшего на западном берегу реки средневекового рыцарского замка Нарвы – оплота немецких феодалов. Расстояние между Нарвской крепостью и русской цитаделью определялось, по образному выражению летописца, всего лишь «в кину-тый камень». Подобного расположения двух крепостей, созданных разными государствами, еще не знала история.

Отечественные летописи и ливонские документы свидетельствуют о небывало коротком сроке возведения Ивангородской крепости. Русские строители на глазах у неприятеля, рядом с его военными редутами за несколько летних месяцев 1492 года соорудили мощные каменные укрепления.

Плитняк, из которого сложены стены Иван-города, добывался недалеко от Девичьей горы, выше по течению Нарвы. Здесь среди густого леса, скрывавшего от взоров ливонцев ведущиеся работы, тогда находилось так называемое «плитноломнище» (место естественного выхода плитнякового камня на поверхность земли).

Иван-город представлял собой невиданный до того на Руси образец крупного военно-оборонительного сооружения. В отличие от свободных планировок крепостей, создаваемых ранее, он получил четко выраженный регулярный план. Стены его достигали высоты 15 метров, а прямоугольные башни по углам – 19 метров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.